

Ирвинг В.

**ИТАЛЬЯНСКИЕ РАЗБОЙНИКИ
НЬЮСТЕДСКОЕ АББАТСТВО**

**ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература)

Вашингтон Ирвинг

**Итальянские разбойники.
Ньюстедское аббатство (сборник)**

«Алгоритм»

1824, 1855

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Ирвинг В.

Итальянские разбойники. Ньюстедское аббатство (сборник) /
В. Ирвинг — «Алгоритм», 1824, 1855 — (Шедевры мировой
литературы (Мир книги, Литература))

ISBN 978-5-501-00207-4

Вашингтон Ирвинг (1783–1859) – выдающийся американский писатель-романтик, которого часто называют отцом американской литературы. Сын состоятельного коммерсанта, он занимался юриспруденцией и журналистикой. Ирвинг много лет провел в Европе и был тесно связан с европейской культурой. Мастер новеллы – жанра, в котором с особой полнотой раскрылись своеобразные национальные черты американской литературы, он стал первым американским беллетристом, завоевавшим европейскую известность. В его творчестве сочетаются романтическая фантазия, мягкий юмор и полнокровное ощущение жизни. В данном томе представлены несколько произведений писателя. Действие повести «Итальянские разбойники» разворачивается в уединенной придорожной харчевне, которую сделали своим сборным пунктом итальянские разбойники. В сборнике «Ньюстедское аббатство» Ирвинг приводит многочисленные легенды и истории, связанные с посещением родового поместья Байрона. В том вошли также рассказы, созданные писателем в разные годы.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-501-00207-4

© Ирвинг В., 1824, 1855

© Алгоритм, 1824, 1855

Содержание

Итальянские разбойники	7
Часть первая	8
Глава I. Гостиница в Террачине	8
Глава II. Приключение одного ученого антиквара	14
Глава III. Опоздавшие путешественники	18
Часть вторая	27
Глава I. Приключение семейства Поппинс	27
Глава II. Приключение одного живописца	29
Глава III. История атамана разбойников	33
Глава IV. История молодого разбойника	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вашингтон Ирвинг Итальянские разбойники. Ньюстедское аббатство (сборник)

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

*Я ни минотавр, ни центавр, ни сатир, ни гиена, ни павиан, а просто
путешественник; и в этом поверьте мне.*

Бен Джонсон. Праздник Цинтии

Итальянские разбойники

*Правдивые и удивительные приключения по дороге в Италию.
Характерные картины итальянской жизни.*

Часть первая

Глава I. Гостиница в Террачине

Клак-клак-клак-клак-клак!..

– Кажется, едет эстафета из Неаполя, – сказал хозяин гостиницы в Террачине, – приготовьте лошадь.

Как обычно, лошадь шла рысью, почтальон вовсю размахивал кнутом с короткой рукояткой и длинным узловатым ремнем, каждый удар которого был подобен пистолетному выстрелу. Это был молодой, крепкий человек, в обыкновенном мундире, который состоял из светло-синего колета* с бархатными обшлагами и золотым галуном, треугольной шляпы с золотыми кистями и английских сапог; вместо кожаных брюк на нем были остатки изорванных подштанников, едва прикрывавших тело.

Остановившись у дверей, ездок слез с лошади.

– Стакан росоглио, свежую лошадь и пару штанов, – сказал гонец, – и как можно скорее! Я и без того слишком опоздал и мне нужно скорее ехать дальше!

– Святой Януарий! – изумился хозяин. – Скажи, где ты оставил свои брюки?

– У разбойников, между Террачиной и Фонди.

– Что ты говоришь? Ограбить эстафету! Я слышу это в первый раз! Что же они хотели у тебя забрать?

– Мои кожаные штаны, – ответил эстафетчик. – Они были совсем новые, блестели как золото и чрезвычайно понравились их капитану.

– Право, эти черти становятся день ото дня наглее. Напасть на эстафету! И только ради пары кожаных брюк!

Нападение на государственного гонца, казалось, больше изумило хозяина, нежели все другие злодеяния, творимые на большой дороге; и в самом деле, подобное случилось в первый раз, это был совершенно отчаянный грабёж, ибо разбойники, как правило, избегали того, что могло вынудить государство принять надлежащие меры для их обуздания.

Между тем гонец уже совершенно приготовился к отъезду, ибо почтальон не любил терять время напрасно. Лошадь была выведена, росоглио выпит, и гонец, сунув ноги в стремена, взялся за поводья.

– Много ли было разбойников в этой шайке? – спросил смуглый молодой человек, как раз выходящий в этот момент из дверей гостиницы.

– Я еще никогда не видал такой огромной шайки, – отвечал эстафетчик, садясь на лошадь.

– Жестоко ли обращаются они с путешественниками? – поинтересовалась молодая дама венецианка, спутница смуглого молодого мужчины.

– Они очень жестоки, синьора! – сказал гонец, взглянув на девушку, и добавил, прищипывая лошадь: – Они убивают всех: мужчин и женщин.

Клак-клак-клак-клак! Последние слова гонца заглушили удары кнута, и кучер во весь опор помчался к Понтийским болотам*.

– Святая Дева Мария! – воскликнула молодая венецианка. – Что с нами будет!

Гостиница, о которой мы говорим, лежит близ стен Террачины, у подошвы высокой скалы, на которой находятся развалины замка Теодориха*, короля готов. Положение Террачины, небольшого, старинного, патриархального итальянского города на границе Папской области*, заключает в себе нечто особенное. Во всем, что принадлежит к этой местности, явно обнаруживается лень. Средиземное море – море без прилива и отлива – омывает с одной

стороны стены города. В его гавани не видно никаких судов, и лишь изредка посещают ее мелкие барки, нагруженные треской, скудной пищей Великого поста. Жители на первый взгляд ленивый и незлобный народ, как обыкновенно бывает в местах с теплым климатом; но эта мирная наружность прикрывает часто совсем иные качества. Многие считают их равными разбойникам соседних гор и убеждены, что они имеют с ними сношения. Редко стоящие на морском берегу хижины ясно доказывают, что пираты часто пристают к этому берегу, между тем как низкие хижины – жилища солдат – означают дорогу, идущую чрез лес масличных деревьев, и где нередко путешественника поджидает опасность нападения разбойников. Между этим городом и Фонди дорога в Неаполь считается опаснее всего.

Итальянские разбойники – самый отчаянный род людей, которые могли бы образовать особое сословие в человеческом обществе. Они носят своего рода мундир или, лучше сказать, особенную одежду, которая ясно подчеркивает их ремесло. Они делают это для того, чтобы, с одной стороны, в глазах простого народа иметь военный вид, а с другой стороны, чтобы возбуждать посредством наружного блеска у молодых людей в деревнях охоту вступать в их общество. Одежда их часто бывает весьма богата и красива. Они носят куртки и брюки светлых цветов, иногда богато расшитые; грудь их украшают медали и ордена; шляпы имеют форму конуса, широкие поля которых бывают разукрашены цветными лентами и перьями; волосы же нередко прикрывают шелковой сеточкой; они носят особые сандалии из сукна или кожи, которые прикрепляются ремнями и чрезвычайно гибки, легки и весьма удобны для хождения по горам; широкий пояс из сукна или из шелка, сплетенный в виде сетки, служит для ношения богато украшенных пистолетов и кинжалов; на спине висит карабин, а широкий темный плащ, карбонарий, служащий защитой от непогоды и постелью на ночных биваках в горах, накидывается небрежно на плечи.

Они – обладатели большого пространства земли, примыкающего к Апеннинским горам; они знают все труднопроходимые ущелья, потайные тропы для отступления и непроходимые леса на вершинах гор, где их не отваживается преследовать никакая вооруженная сила. Они уверены в хорошем расположении жителей этой страны, неграмотного и бедного народа, который они не только никогда не беспокоят, а напротив, нередко одаривают частью своей добычи. И их действительно почитают в некоторых деревнях и пограничных городах, где они превращают награбленные ими вещи в деньги, за полугероев. При столь благоприятном стечении обстоятельств, будучи защищаемы ущельями гор, разбойники всегда дают сильный отпор слабой полиции итальянских владений. Тщетно прибываются объявления с именами и приметами к дверям церквей и обещаются вознаграждения, если их выдадут, живыми или мертвыми, государственным судам; жители деревень опасаются их предавать, либо потому, что ежедневно видят ужасные примеры мщения изменникам, либо потому, что имеют с ними очень выгодные отношения. Часто жандармы преследуют и убивают их как хищных зверей, часто их головы бывают выставлены в клетках и на шестах вдоль дорог, или их трупы повешены на деревьях в тех местах, где они совершили грабеж; однако же эти страшные зрелища вместо устрашения разбойников достигают только того, что те с еще большим ожесточением нападают на путешественников.

В то время, когда эстафета была столь отчаянно ограблена, дерзость разбойников достигла высочайшей степени. Они сожгли многие загородные дома, рассылали гонцов в города к купцам и богатым гражданам и требовали денег, платья, галантерейных товаров, а в случае отказа угрожали мстостью; они имели своих доверенных лиц в каждом городе, в каждой деревне, в каждом трактире на больших дорогах, которые извещали их обо всех путешественниках. Они нападали на дилижансы, похищали богатых и знатных людей и прятали их в ущельях гор, принуждая писать родственникам, чтобы те присылали значительные суммы для выкупа, не щадя даже женщин, которые попадались им в руки.

Так поступали разбойники, или лучше сказать, такие ходили о них слухи, когда была ограблена эстафета. Смуглый молодой человек и дама венецианка, о которых мы упомянули, приехали в гостиницу после обеда в собственной карете, в сопровождении одного слуги. Они недавно вступили в брак, хотели совершить небольшое путешествие в эти романтические края и посетить в Неаполе богатую тетюшку молодой супруги.

Дама была молода, чувствительна и боязлива. Рассказы, слышанные ею по дороге, увеличили ее опасения как в отношении самой себя, так и в отношении супруга, поскольку, несмотря на то, что она уже больше месяца была замужем, тем не менее любила своего мужа без памяти. Когда они прибыли в Террачину, ужасные слухи, и две головы разбойников, висевшие по обеим сторонам старинных городских ворот в железных клетках, еще больше умножили ее страхи. Напрасно пытался успокоить ее супруг: она промедлила после обеда в гостинице до тех пор, пока не стало слишком поздно продолжать путешествие в тот же вечер, а последние слова эстафетчика еще больше расстроили ее.

– Возвратимся лучше в Рим, – сказала она, кинувшись в объятия мужа, – лучше возвратимся в Рим и оставим путешествие в Неаполь.

– А как же посещение тети? – спросил супруг.

– Но какая мне радость в посещении тети, если я не уверена в твоей безопасности, – ответила она, нежно взглянув на мужа.

В ее словах и поступках сказывалось нечто, без слов говорившее, что в эту минуту она более опасалась за мужа, нежели за себя, что она недавно была замужем и согласилась на брак без принуждения. Она чувствовала именно то, о чем говорила, – в этом по крайней мере не сомневался ее муж. В самом деле, никто не усомнился бы в ее искренности, кто хоть раз слышал приятный звук венецианского голоса, ощутил нежность венецианского наречия и кто видел волшебный взор венецианских очей. Он взял ее белоснежную руку, нежно прижал к своей груди и, поцеловав, сказал:

– Итак, мы переночуем в Террачине.

Клак-клак-клак-клак-клак!

Новое событие на почтовой дороге привлекло внимание хозяина и его гостей. Со стороны Понтийских болот примчалась рысью карета, запряженная шестеркой лошадей. Почтальон бешено ударял бичом, что всегда делают возницы, если везут важную особу или уверены в хорошей награде. Это было ландо*, и пассажир сидел сзади в особо устроенной корзине. Простое, но красивое и устойчивое устройство кареты, множество хорошо прилаженных ящиков и кистей вокруг козел, свежее и здоровое лицо господина, сидевшего у окна, и краснощекий слуга, с коротко остриженными волосами, в коротком сюртуке, в светло-коричневых рейтузах и в длинных гамашах, доказывали, что карета принадлежала какому-то англичанину.

– Лошадей в Фонди, – сказал англичанин, как только хозяин приблизился к дверцам кареты.

– Не угодно ли вашему превосходительству выйти пообедать и отдохнуть?

– Нет. Я не хочу есть прежде, чем приеду в Фонди.

– Но пройдет много времени, пока прибудут лошади.

– Ах! Вечно одно и то же – никогда нет лошадей в этой проклятой стране!

– Если бы только вашему превосходительству угодно было войти в дом...

– Нет, нет и нет! Я говорю тебе: нет! Мне ничего не нужно кроме свежих лошадей, и как можно скорее! Джон! Похлопочи, чтобы скорее привели лошадей и чтобы нас не задержали здесь на два или три часа. Скажи хозяину, что если он заставит меня слишком долго ждать, то я подам на него жалобу почтмейстеру.

Джон надел шляпу и пошел исполнять приказание своего господина со свойственной английским слугам молчаливостью.

Англичанин между тем вышел из кареты и принялся ходить взад и вперед перед гостиницей, засунув руки в карманы, не обращая внимания на толпу, которая дивилась на него и его экипаж. Он был высок и складен, опрятно одет и носил небольшую шляпу пряничного цвета.

В выражении его лица сквозило какое-то неудовольствие, происходившее отчасти от того, что он еще не обедал, отчасти от того, что он за час сделал не более семи английских миль*, не имея, правда, особой причины торопиться, кроме обычного желания англичан скорее достигнуть цели своего путешествия или для того, чтобы иметь возможность употребить свою любимую поговорку – «ехать быстрее и дальше». Может быть, он сердился еще и потому, что вынужден был на каждой станции весьма подолгу дожидаться лошадей.

Немного спустя, со смущенным взором, из конюшни пришел слуга.

– Готовы ли лошади, Джон?

– Нет, сэр, такого места я сроду не видал. Здесь нельзя быстро исполнить ваших приказаний. Лучше бы было, ваша милость, если бы вы изволили войти в дом и приказали подать себе обед, ибо, вероятно, нам еще долго придется дожидаться отправления в Фонди.

– Черт побери этот дом! Я не хочу есть, – возмутился англичанин, – еще и потому, что желаю позлить хозяина!

– Говорят, ваша милость, что опасно так поздно ехать, – отвечал Джон. – Уверяют, что на дороге частенько можно встретить разбойников.

– Это пустая болтовня, нужная для заманивания на ночь постояльцев в гостиницу.

– Эстафета, которая нам попала навстречу, была остановлена большой шайкой разбойников, – отвечал Джон, повышая голос при каждой подробности.

– Я этому не верю.

– Они отняли у гонца его брюки, – сказал Джон, ощупывая при этом свой пояс.

– Это все вздор.

В это мгновение смуглый молодой человек подошел поближе, учтиво заговорил с англичанином на плохом английском языке и пригласил его к обеду, который еще готовился.

– Весьма благодарен, – сказал англичанин, опуская еще глубже руки в карманы и взглянув с тревогой на молодого человека, словно опасался лишиться своего кошелька.

– Мы почтем за большую честь, если вы примете наше предложение, – сказала молодая дама с довольно мягким венецианским говором. Голос ее звучал привлекательно и мелодично. Англичанин взглянул на нее: ее красота была еще привлекательнее ее голоса. Лицо англичанина тотчас потеряло суровость. Он учтиво поклонился и сказал:

– С большим удовольствием, синьора.

Желание немедленно ехать дальше и не обедать до приезда в Фонди, чтобы наказать хозяина, было тотчас забыто; Джон пошел выбирать своему господину хорошую комнату, чтобы остановиться здесь на ночлег.

Из кареты принесли все необходимое. Множество чемоданов, шкатулок, портфелей, туалетных принадлежностей, более затрудняющих путешественника, нежели ему необходимых, были отнесены в отведенную ему комнату. Среди зевак, выглядывавших из дверей и одетых в большие, темного цвета плащи и сверкавших ястребиными глазами, многие отпускали замечания, что такого запаса хватило бы на целое войско. Даже прислуга гостиницы с изумлением обсуждала богатый туалет, с множеством золотых и серебряных принадлежностей, и кошелек с золотом, заманчиво звеневший в тот момент, когда его вынимали из чемодана. Целый вечер во всем городе Террачине не было других разговоров, как только о богатстве чужестранца и сокровищах, которые он вез с собой.

Понадобилось немало времени, пока англичанин завершил свой туалет и оделся к столу. После долгих трудов и усилий он наконец появился. Жесткий галстук и с особым вкусом сшитое платье были безупречны: на них не было ни пылинки. Войдя в комнату, он весьма учтиво,

на английский манер, поклонился молодой венецианке. Его поклон, однако, показался ей суховатым, поскольку она привыкла к своим, более живым обычаям.

Ужин, как назвал его итальянец, или обед, как назвал его англичанин, был к тому времени совершенно готов. Небо, земля и вода были призваны на подмогу, чтобы этот обед приготовить, поскольку на стол были поданы и птицы, что летают по воздуху, и дичь, что обитает в полях, и рыба, что плавает в море. Кроме того, слуга англичанина, желая приготовить своему господину его любимый бифштекс, поставил с ног на голову всю кухню; он явился туда с кетчупом, соей, кайенским перцем, гарвейским соусом и бутылкой портвейна, запасов которого его господину хватило бы, чтобы объехать вокруг света. Однако обед оказался обычной смесью итальянских блюд, вкус которых требует серьезного улучшения. Супница с супом походила на Черное море: печенка и потроха самой разнообразной дичи плавали там, подобно обломкам кораблей. Тощее крылатое существо, которое хозяин называл пуляркой*, по-видимому, окончило свою жизнь сухоткой*. Макароны пахли дымом. Бифштекс был из старой говядины. Потом принесли блюдо с жареными угрями, которых англичанин начал поглощать с большим аппетитом, но он тотчас потерял всю охоту к еде, как только узнал, что это ужи, отловленные в скалах Террачины и почитаемые здесь за большой деликатес.

Во время обеда начался оживленный разговор о разбойниках, которые наводили ужас на молодую даму венецианку. Хозяин и прислуга вмешались в эту беседу с особым рвением и нарасказывали такую бездну ужасных историй, что бедная итальянка совсем потеряла аппетит.

Англичанин, питавший врожденное презрение ко всему, что он называл особым термином «вздор», слушал эти рассказы со скептической улыбкой, выражавшей недоверие. Слово за слово, речь дошла до школы в Террачине, уничтоженной разбойниками. Причем они убили одного очень смелого юношу, чтобы родители других молодых людей не медлили с выплатой затребованной суммы. Вторым последовал рассказ о том господине в Риме, который получил по почте ухо своего сына с угрозой, что в дальнейшем он будет получать и другие части тела – до тех пор, пока сполна не уплатит выкупа.

Красивая венецианка невольно содрогалась во время рассказов; хозяин же все более усердствовал в перечислении жутких историй, как только заметил их действие. Едва он хотел начать рассказ о несчастье одного богатого английского лорда и его фамилии, как вдруг англичанин встал и объявил, что все эти повести лишь выдумка суеверных крестьян и хитрых содержателей гостиниц. Хозяин очень обиделся, что не захотели верить его словам, и привел в подтверждение сказанного еще с дюжину ужасных историй.

– Ничему из того, что ты тут врал, я не верю! – воскликнул англичанин.

– Но многие разбойники уже пойманы и наказаны!

– Все это вздор.

– Но разве не висят их головы вдоль больших дорог?

– Это черепа, валявшиеся несколько столетий на кладбище.

Хозяин пошел из комнаты, ворча:

– Святой Януарий! Какие странные люди эти англичане!

Новый шум во дворе гостиницы возвестил о прибытии многочисленных путешественников. Или, точнее сказать, крик, стук копыт, шум колес и многоголосый говор в самом доме и на улице не оставляли сомнений, что вновь прибывшее общество весьма велико.

Как оказалось, это был прокацио, некий род каравана, который в определенные дни перевозит товары из одной местности в другую и сопровождается несколькими солдатами, чтобы в случае необходимости отбиться от разбойников. Нередко этим пользуются одинокие путешественники, чтобы обезопасить себя, и подчас к каравану присоединяется целая вереница карет.

Прошло изрядное время, прежде чем хозяин и прислуга вернулись назад, поскольку были вынуждены бегать то туда, то сюда, пока доносились шум и крики, всегда воцаряющиеся в итальянских гостиницах при прибытии большого числа гостей.

Когда хозяин вернулся, на его лице сияла торжествующая улыбка.

– Может быть, – сказал он, убирая со стола, – синьор еще не слышал, что случилось?

– Ну и что же? – спросил англичанин сухо.

– Итак, прокацио привез известия о новых бесчинствах разбойников!

– Ха-ха!

– А еще новые известия об английском милорде и его семье, – сказал хозяин торжествуя.

– Об одном английском лорде? О каком же английском лорде?

– О милорде Поппинсе.

– Лорд Поппинс? Я сроду не слышал такой фамилии.

– Мой бог! Богатый дворянин, который недавно останавливался здесь с женой и дочерьми, служащий, один из первых членов суда в Лондоне, наместник!

– Наместник... наместник? Ха! Это, верно, должно означать «мэр».

– Господи! Мэр Поппинс и принцесса Поппинс, синьорина Поппинс! – объявил хозяин.

Он уже хотел начать подробное описание, но англичанин, утомленный этим рассказом и не хотевший ни слушать, ни верить его историям, приказал ему поскорее убрать со стола.

Впрочем, язык итальянца не скоро перестает болтать, и содержатель гостиницы, убирая остатки обеда, продолжал бормотать, и последние отголоски его рассказа, которые терялись в шуме его тяжелых шагов, были повторением его любимого слова – Поппинс-Поппинс-поппоп-поппинс.

Прибытие прокацио наводнило дом множеством гостей и не меньшим количеством новых историй. Англичанин вместе со смуглым итальянцем и его женой вышли после ужина в большую залу, или гостиную, которая располагалась в середине дома, и прохаживались по ней взад и вперед. Гостиная представляла собой весьма просторную комнату, немного неухоженную, вдоль стен которой сплошь стояли столы. Подле столов группами сидели вновь прибывшие путешественники. Те же, кто не сумел разместиться за столами, с нетерпением ожидали обед стоя.

Путешественники представляли собой пеструю смесь из всех сословий и местностей, приехавших в самых разных экипажах. Хотя каждый ехал сам по себе, однако путешествие, совершаемое под общей охраной, заставило их заключить между собой союз. Как правило, путешествующие по суше всегда дружелюбны друг к другу, и едва ли где встретится такое разнообразие, как в группах людей, собравшихся за дружеской беседой в гостинице.

Большое количество путешествующих и грозный конвой не позволили разбойникам напасть на этот караван; впрочем, каждый путешественник старался рассказывать ужасные истории о разбойниках и превзойти своих конкурентов в подробностях. Многие уверяли, что видели ужасных варваров с огромными бородами, кинжалами и карабинами, которые то караулили в кустах, то подходили с закрытыми лицами к отстававшим каретам, но тотчас удалялись, увидев конвой.

Прелестная венецианка слушала эти рассказы с вниманием, и они еще больше ее расстраивали. Даже англичанин стал прислушиваться к разговору и, по-видимому, заинтересовался подробностями о бесчинствах разбойников. Не желая показать излишней робости, он приблизился к одной группе, собравшейся вокруг некоего худощавого, высокого итальянца, с длинным носом, высоким лбом и сверкающими глазами, которые блистали из-под низко надвинутой темно-зеленой бархатной шляпы с золотыми кистями. Он был из Рима, лекарь по роду занятий, поэт по натуре и своего рода импровизатор. В это мгновение он говорил обычной прозой, но с той легкостью, с которой говорят хорошие ораторы, любящие показывать свой талант.

На два или три вопроса, заданных англичанином, тотчас ответили сразу несколько человек, поскольку англичанин, присоединившийся к путешественникам, почитается на материке за диковину и по причине редкости с ним обходятся весьма учтиво. Импровизатор сообщил ему почти те же самые истории о разбойниках, которые мы уже упоминали выше.

– Почему же полиция не уничтожит этих варваров? – спросил англичанин.

– Потому что полиция наша не в силах этого сделать, а разбойники очень многочисленны. Искоренить их не так легко, как вы думаете: они имеют сношения со всеми обитателями гор и деревень, или, лучше сказать, все они составляют одну шайку. Многочисленные шайки заключают между собой союз и прекрасно осведомлены о местопребывании друг друга. Ни один жандарм не может к ним приблизиться, не оказавшись ими замечен. Они везде имеют своих лазутчиков, которые бродят по всем городам, деревням и гостиницам, смешиваются со всякой толпой и вообще везде присутствуют. Мы даже не можем быть уверены, что нас в эту самую минуту не подслушивает кто-нибудь из них.

Прелестная венецианка побледнела и стала боязливо оглядываться вокруг себя.

Тут импровизатора прервал веселый неаполитанец.

– Теперь я вспомнил, – сказал он, – странное приключение одного доктора-коллекционера, моего приятеля, которое случилось в этой местности, близ развалин замка Теодориха, находящегося на высоких скалах недалеко от города.

Многие высказали желание узнать о приключениях ученого доктора, за исключением импровизатора, который хотел, чтобы все слушали только его и не прерывали рассказа. Он даже немного рассердился за то, что его внезапно перебили в самый разгар повествования. Впрочем, неаполитанец, делая вид, что не замечает его неудовольствия, начал свою историю.

Глава II. Приключение одного ученого антиквара

Мой приятель, доктор, был большой охотник до античных древностей; его главной страстью было беспрестанно рыться в развалинах.

Он ценил строения, как вы, англичане, цените сыр: чем заплесневелее и старше они были, тем более соответствовали его вкусу. Наружные стены какого-нибудь старинного, неизвестного храма или полуразвалившаяся ограда едва уцелевшего амфитеатра приводили его в восхищение, и он находил больше удовольствия в созерцании подобных развалин, нежели в самых великолепных дворцах, выстроенных в современном стиле. Притом он был рьяным собирателем древних монет и имел такое большое их количество, что не знал, что делать от радости. Так, например, в его собрании находилось несколько монет времен ранней республики, один экземпляр полуаса и две пунические монеты, которые, без сомнения, принадлежали солдатам Ганнибала, поскольку были найдены там, где те некогда расположились лагерем. Также у него было несколько самнитских* монет, выбитых после Союзнической войны*, и одна монета времен царицы Филистис, которая никогда не существовала; впрочем, дороже всего он ценил одну монету, достоинство которой мог определить только тот, кто был посвящен в подобные тайны.

Монета эта имела с одной стороны изображение креста, а с другой стороны – крылатого коня. Происхождение этой монеты мой приятель относил ко времени распространения христианской веры, основываясь на своих знаниях нумизмата.

Все эти драгоценные монеты он носил в кожаном мешочке, который прятал в потайном кармане узких черных брюк.

Последнее его желание, которое вскружило ему голову, было желание открыть древние города пеласгов*, которые, по уверению некоторых, должны существовать до сих пор в Аbruцких горах* и о которых нет никаких достоверных известий. Он уже сделал несколько открытий в этой области, и некоторые достоверные приметы и исследования об этих городах были внесены им в специальную толстую книгу, которую он постоянно носил при себе, чтобы

в случае необходимости всегда иметь под рукой нужные справки, а также из опасений, что этот драгоценный материал попадет в руки другим антикварам. Для этого в его сюртуке всегда был специальный огромный карман, в котором он и носил бесценную книгу, не обращая внимания на то, что при ходьбе она сильно била его по ногам.

Будучи обременен плодами исследования древностей, этот человек вздумал во время своего пребывания в Террачине взобраться на скалы, которые примыкают к городу, чтобы посетить замок Теодориха. Однажды он рылся при заходе солнца в развалинах, будучи погружен в исследование происхождения римлян и готов, как вдруг ему послышался шорох.

Он оглянулся и увидел пятерых или шестерых молодых людей – диких и необразованных, – которые были одеты, к его удивлению, наполовину крестьянами, наполовину егерями и держали в руках карабины. Их наружность и поступки не оставляли сомнений в их принадлежности к определенному обществу.

Доктор был человеком невысокого роста, плохо одет и весьма беден. Он не имел при себе золота и серебра, но носил, как уже сказано, в кармане свои драгоценные монеты. Кроме того, имел при себе некоторые вещи, представлявшие некоторую ценность. Например, старинные серебряные часы, толщиной с репу и со столь большими цифрами, что они могли быть помещены на стенных часах, и несколько печатей, висевших на стальной цепочке, достававшей до колен. Все эти вещи он ценил весьма высоко, потому что они достались ему по наследству. Еще было кольцо, употребляемое вместо печати и закрывавшее половину руки. На нем была изображена Венера, которую старик обожал почти с ревностью молодого человека. Всего же дороже он ценил дорогое ему собрание исследований о городах пеласгов; он охотно отдал бы за него все свои деньги, если бы мог сохранить его в целостности.

Он, однако, насколько мог собрался с духом, надеясь, что так как он беден, то его, вероятно, оставят в покое. Поэтому спокойно сказал молодым людям: «Добрый вечер». Они тоже ответили приветствием и ударили антиквара по плечу так, что он почувствовал боль во всем теле.

Между ними завязался разговор, и молодые люди некоторое время ходили вместе со стариком доктором по горам, хотя он, скорее, предпочел бы увидеть их на дне Везувия. Наконец, они набрели на одну остерию* в горах и предложили доктору войти в нее и выпить по стакану вина, с чем антиквар тотчас же согласился, хотя охотнее выпил бы стакан белены.

Один из шайки остался на карауле у дверей, прочие вошли в дом, поставили в угол свои ружья; каждый из них вынул или пистолет, или кинжал из-за пояса и положил перед собой на стол. Разбойники придвинули к столу скамейки, потребовали вина и завели разговор с доктором как со старинным товарищем, приказав, чтобы он сел рядом с ними и веселился.

Этот почтенный муж повиновался беспрекословно, – трясаясь всем телом, он сел как прикованный на край стула, невольно поглядывая на дула пистолетов и холодные блестящие кинжалы и чувствуя изжогу при каждом глотке вина. Его новые товарищи не переставали опустошать бутылки и пили по очереди за здоровье каждого; они пили и смеялись, рассказывали разные истории о грабежах и стычках, отпуская при этом различные шутки, и маленький доктор был вынужден смеяться, ощущая при этом озноб во всем теле.

Судя по их уверениям, они были родом из ближайших деревень, но по причине необузданного характера прибегли к такому образу жизни. Они говорили о своих злодеяниях как охотник о своих подвигах, и им, казалось, так же легко умертвить путешественника, как застрелить зайца. Они с восторгом говорили о прелестях бродячей жизни, которую они вели, подобно птицам в воздухе, – нынче здесь, завтра там, то бродя в лесах, то влезая на скалы, то ходя по долинам, – о полных кошельках, о веселых обществах и о прекрасных девицах. Наш антиквар совершенно потерял рассудок от этих речей и вина, поскольку они не забывали наполнять стаканы вином. Он уже перестал бояться и почти совершенно забыл о кольце, о часах и об исследовании городов пеласгов, которое являлось его любимым занятием. Он и сам начал

уверять, что теперь больше не удивляется желанию, столь распространенному среди местных жителей, сделаться разбойником, поскольку и сам в данную минуту почувствовал, что если бы был помоложе и не страшился галер, то наверняка поддался бы искушению.

Наконец настал час прощания. Лишь только увидев, что разбойники взяли в руки оружие, доктор моментально протрезвел. Он опасался лишиться своих драгоценностей, и больше всего – своего труда о древностях. Впрочем, желая сохранить хладнокровие, он вынул из глубокого кармана свой продолговатый тощий кошелек, который с давних пор страдал сухоткой. На дне его зазвенело несколько золотых, когда доктор сунул туда трепещущую руку.

Главарь шайки приметил это движение, положил руку на плечо антиквара и сказал:

– Послушай-ка, синьор доктор! Мы пили как друзья, и я желаю расстаться по-товарищески. Мы знаем, чем ты занимаешься; мы знаем также и кто ты, поскольку нам известен всякий, кто переночует в Террачине или пустится отсюда в дорогу. Ты богатый человек, но все свое богатство ты носишь в голове – мы не можем его отнять, а если бы могли его достать, то не знали бы, что с ним делать. Я заметил, что ты беспокоишься за свое кольцо. Напрасно: нам не стоит ни малейшего труда его отнять, но это не ценность, а подделка – оно ничего не стоит.

Доктор при этих словах вышел из себя: он обиделся на то, что о его кольце сказали, будто это подделка. Боже мой! Его Венера – фальшивка! Если бы они сказали ему, что его идеал Мадонны принижает саму Мадонну, то эти слова не рассердили бы его так сильно. Он принялся с жаром защищать свою любезную Венеру.

– Полно, полно, – прервал его разбойник. – Нам некогда с тобой спорить. Цени свою вещь сколь угодно дорого.

А лучше пойдем-ка, любезный синьор, выпьем еще по стаканчику вина и потом расплатимся. Тебе, скажу прямо, вино не будет стоить ни гроша: ты был нашим гостем – я так хочу. А затем поскорее возвращайся в Террачину, уже становится довольно поздно. Доброй дороги! Да послушай-ка, другой раз будь немного осторожнее в горах, поскольку ты не всегда встретишь такое хорошее общество.

Они взяли свое оружие и, распевая песни, отправились в горы, а доктор, радуясь, что разбойники не тронули его часы, монеты и заметки, опрометью побежал назад в Террачину, сердясь, что его Венеру сочли подделкой.

Импровизатор во время этого рассказа неоднократно проявлял признаки негодования. Он отметил про себя, что весьма легко может лишиться внимания, а это для любителя поговорить не просто досадно, а является настоящим несчастьем. Еще больше его сердило то, что прервал его неаполитанец. Ведь, как известно, жители различных итальянских областей питают по отношению друг к другу ужасную ревность, неважно, будь повод для этого мал или велик.

Поэтому он воспользовался первой же паузой в речи неаполитанца, чтобы снова начать свое повествование.

– Как я уже прежде заметил, – начал он снова, – разбойники весьма отчаянны; они соединены между собою договором и состоят в союзе с разными сословиями.

– Что касается этого, – сказал неаполитанец, – то я слышал, что ваше правительство также заключило с ними договор или по крайней мере пренебрегает их преследованием.

– Мое правительство? – спросил с гневом римлянин.

– Точно; говорят, что кардинал Консалви*...

– Потихе! – сказал римлянин, грозя пальцем и оглядываясь по сторонам.

– Что ж, я повторяю только то, что я от всех слышал в Риме, – возразил смело неаполитанец. – Там во всеуслышание говорят, что кардинал был в горах, где встречался с некоторыми главарями. Меня также уверяли, что между тем как честные люди часами дожидались в передней кардинала аудиенции, один из этих мошенников, имевший при себе кинжал, беспрепятственно пробрался сквозь толпу и вошел в покои кардинала.

– Насколько мне известно, – возразил импровизатор, – такие вредные слухи распространяют многие злоязычные люди; впрочем не хочу спорить; может быть, наше государство некогда использовало подобных людей, например во время недавней неудавшейся революции*, когда по всей Италии восстали карбонарии. Государство нуждалось в известиях, доставляемых людьми подобного рода, которым знакомы не только все ущелья и тропы в горах, но даже тайные убежища всех опасных сообществ; которые знают всех подозрительных людей, их планы и намерения; вообще все, что играет какую-либо роль в нашем живом мире. Польза от таких людей, служащих орудием в руках государства, столь очевидна, что это ясно всякому. Может быть, кардинал Консалви, будучи выдающимся политиком, использовал их именно для этих целей. Кроме того, ему прекрасно известно, что, несмотря на все свои злодеяния, разбойники рьяно привержены нашей церкви и очень набожны.

– Набожны? Набожны?! – вскричал с удивлением англичанин.

– Да, набожны, – повторил римлянин, – каждый выбирает себе какого-нибудь святого в покровители. Они крестятся и молятся в своих горных ущельях, как только услышат звук колоколов, созывающий жителей долин к обедне или вечерне; они часто выходят из своих нор и подвергают себя явной опасности, чтобы посетить церковь. Могу рассказать следующую историю.

Я был однажды вечером в деревне Фраскати, которая лежит на прелестном холме, близ Аbruцких гор. Жители селения прогуливались на свежем воздухе, как это принято во всех итальянских городах и деревнях. В то время как я разговаривал со своими приятелями, я увидел одного высокого, закутанного в широкий плащ человека, который пробирался по площади, стараясь уберечься в сумраке от любопытных взоров. Жители, все до единого, сторонились его и шептались друг другу на ухо, что это известный разбойник.

– Почему же не захватили его на месте? – спросил англичанин.

– Никому до этого не было дела, поскольку никто не желает подвергнуть себя мести его товарищей; потому что не было достаточного количества жандармов поблизости, которые могли бы прийти на помощь; потому что жандармы не имели особого распоряжения схватить его или же они не хотели без приказа вмешиваться в это происшествие. Одним словом, я мог бы привести вам тысячу причин, происходящих от наших национальных обычаев и нашего способа правления, из которых ни одна не покажется вам основательной.

Англичанин с презрением пожал плечами.

– Я слышал неоднократно, – прибавил римлянин, – что даже в вашей столице есть известные воры, которых прекрасно знает полиция. Они свободно расхаживают по улицам среди бела дня, но их не арестовывают до тех пор, пока не застигнут с поличным.

Англичанин опять пожал плечами, но уже совсем с другим выражением лица.

– Итак, я опять обращаюсь к отважному волку, который пробирался через стадо, и я сам видел, как он вошел в церковь. Мне захотелось увидеть его молящимся. Вам известны наши просторные, великолепные соборы. Тот, в который вошел этот разбойник, был чрезвычайно велик и довольно темен. В конце длинного ряда колонн, на алтаре, горело несколько свечей.

В одном из боковых приделов теплилась небольшая восковая свеча перед иконой одного святого. Перед этим образом разбойник опустился на колени. В это время с его плеч упал плащ и открыл его фигуру, достойную быть названной геркулесовой. Украшенный драгоценными камнями кинжал и пара пистолетов блестели у него за поясом. Тусклый свет, падавший на его лицо, позволял рассмотреть его правильные черты и отражавшуюся на нем борьбу страстей.

В то время, пока он молился, легкая дрожь пробегала по его телу, губы беспрерывно вздрагивали, вздохи и невнятные слова стенаний вырывались у него из груди. Он то ударял себя в грудь, то молитвенно складывал руки, то простирали их к образу. Никогда не доводилось мне видеть столь страшной картины угрызений совести. Я опасался быть замеченным и вышел. Вскоре я вновь увидел его, закутанным в плащ и выходящим из церкви. Он вновь пересек

площадь и, вероятно, вернулся, освободившись от тяжести грехов, в горные ущелья, чтобы снова ступить на стезю преступлений.

Тут неаполитанец снова решил присоединиться к разговору и даже произнес: «Это напомнило мне одну историю...» – но импровизатор, наученный опытом, сделал вид, что не заметил этих слов, и продолжал:

– Одной из многих причин, приносящих несчастье путешественникам, является то обстоятельство, что разбойники нередко поддерживают дружеские отношения с содержателями постоялых дворов и гостиниц в Папской области. В первую очередь им становится известно о тех путниках, которые находятся в горах. Постоялые дворы и гостиницы предоставляют сведения о постояльцах разбойникам, и именно здесь, где, казалось, путешественник должен быть в безопасности, он, удаленный от какой-либо помощи, падает, сраженный кинжалом полуночного убийцы. При совершении убийств в гостиницах случаются самые кровавые истории, поскольку только поголовное истребление всех жертв может спасти убийц от преследования. Я вспомнил историю, – прибавил он, – которая случилась в одном из таких трактиров, и которая, поскольку все вы заинтересовались похождениями разбойников, будет для всех любопытна.

Удостоверившись в заинтересованности окружающих его людей и раздражив их любопытство, он выждал несколько минут, окинул всех взглядом, как обычно делают опытные рассказчики, вспоминая то, что собираются рассказать, и начал свое повествование с драматическим пафосом в голосе, подготовив таким образом слушателей для получения необходимого эффекта.

Глава III. Опоздавшие путешественники

Было уже довольно поздно, когда в гостиницу, располагавшуюся в узком проходе Апеннинских гор, между одиноко лежавшей деревней и монастырем, прибыла карета, запряженная двумя лошадьми*. Карета была старомодна и довольно тяжела. Наполовину отвалившиеся украшения говорили о ее прежней красоте, а шумевшие рессоры и стучащие колеса явно предрекали ее скорый конец. В карете сидел высокий, худощавый господин, в польском мундире отставного улана и в фуражке с меховой опушкой. Его седая шевелюра говорила о том, что годы его службы уже миновали. Подле него сидела красивая бледная девушка семнадцати лет, одетая в польское платье. На козлах расположился старый слуга. Его крепкое телосложение, рыжие усы и шрам через все лицо говорили о том, что и он некогда состоял на военной службе.

Этот экипаж принадлежал польскому дворянину, отпрыску княжеского рода, некогда славившегося своим великокняжием, но который в связи с потрясениями, постигшими Польшу*, обеднел и оскудел. Сам граф был признан мятежником, потому что горячо вступился за права отечества и жил как бы в ссылке. Он пробыл некоторое время в Италии, чтобы закончить образование дочери, которая была теперь единственным предметом его забот и его утешением. Он ввел ее в хорошее общество, и ее красота и таланты привлекли многих поклонников. Если бы она не была дочерью разорившегося польского дворянина, то, вероятно, многие оспаривали бы друг у друга ее руку. Но внезапно здоровье девушки стало ухудшаться день ото дня. Ее веселость исчезла вместе с румянцем щек, и ею овладели утомление и молчаливость.

Старый граф заметил это с беспокойством, свойственным всем отцам.

«Мы должны выбрать другой климат и другое место жительства», – сказал он, и через некоторое время старинная фамильная карета уже мчалась по Апеннинским горам.

Их единственным спутником был старый Каспар, родившийся в их доме и поседевший у них в услужении. Он всегда сопровождал своего господина, сражался подле него и однажды прикрыл его, когда тот упал с лошади, собственным телом, получив то самое ранение в лицо, которое теперь его обезображивало. Он был теперь и камердинером графа, и его компаньоном,

и его дворецким. Единственным существом, которое старик любил так же, как и своего господина, была молодая барышня, его госпожа, выросшая под его надзором. Он водил ее за руку, когда она была еще дитя, смотрел за нею с беспокойством отца и даже осмеливался, подобно отцу, делать ей выговоры и наставления и радовался, когда замечал, что она внушала своим обожателям почтение и восхищение.

Начало смеркаться. Путешественники ехали уже несколько часов через узкий горный проход, по берегу шумящего ручейка. Местность походила на дикую пустыню. Скалы часто угрожали обвалом; у их подножий паслись стада белых коз, встречавших путников блеянием. Им предстояло проехать две-три мили, чтобы достигнуть ближайшей деревни. Их проводник Пьетро, старый пьяница, выпивший лишнего на последней станции, сидел не шелохнувшись, пел песни и изредка покрикивал на своих лошаков. Невзирая на частые просьбы самого графа и ворчание старого Каспара, он отнюдь не принуждал их идти быстрее.

Между тем начали собираться густые тучи, которые вскоре совершенно затмили вершины гор. Постепенно и воздух на возвышенных местах стал сыр и холоден.

Опасения графа насчет дочери наконец победили его терпение. Он выглянул из окна кареты и прикрикнул на старого Пьетро гневным голосом:

– Пошел скорее! Так мы до полуночи не доберемся до гостиницы!

– Да вот она, синьор, – отвечал проводник.

– Где же? – спросил граф.

– Вот там, – сказал Пьетро, указав на полуразвалившееся строение, лежавшее в четверти мили от них.

– Неужели это гостиница? Это больше походит на развалины, нежели на постоялый двор. Я предполагал, что мы заночуем в хорошей деревне.

В ответ Пьетро испустил тысячу жалоб и заверений, всегда имеющихся наготове у ленивых проводников:

– Такая плохая дорога, такие крутые горы! Ах, мои бедные животные! Они измучились, они набили себе шеи, они хромают, они не в состоянии идти до ближайшей деревни!.. Впрочем, ваше превосходительство, вы не сможете найти лучшего ночлега, чем в этой гостинице: это настоящий дворец и какие добрые хозяева! И какой стол! Какие кровати! Ваше превосходительство может здесь жить и спать как вельможа!

Графа было легко уговорить, поскольку, опасаясь, что сырой ночной воздух повредит здоровью дочери, он желал поскорее добраться до ночлега. И старинная карета с шумом и грохотом въехала в ворота гостиницы.

Здание отчасти соответствовало описаниям проводника. Оно было весьма просторно и действительно когда-то могло называться замком или дворцом. Это внушительное сооружение было выстроено из гранитных и мраморных плит и состояло из целого ряда закоулков, выстроенных, казалось, без всякого смысла. И в самом деле, некогда оно служило дворцом для увеселений какого-то итальянского князя. Внутренние покои и флигеля могли вместить целый военный отряд.

Однако это здание вряд ли могло удовлетворить гостей. Люди, встретившие путешественников, были скверно одеты и внушали подозрение. Но все они знали старика Пьетро и встретили его с радостью, когда он торжественно въехал в ворота.

Хозяйка явилась лично, чтобы указать графу и его дочери их комнаты. Их провели через длинный, темный коридор, а затем через анфиладу комнат. Все помещения замка имели между собой сообщение и были просторны. На вид все было бедно и запущенно. На сырых стенах кое-где висели картины, на которых из-за слоя копоти почти ничего невозможно было разглядеть.

Гости выбрали себе две сообщающиеся между собой спальни, дальняя из которых предназначалась для девушки. Кровати оказались чрезвычайно старыми, и когда последовала оче-

редь столь расхваленных Пьетро перин, то оказалось, что все они набиты льном, сбившимся в большие комки.

Увидев это, граф только пожал плечами, но деваться было некуда.

Мороз подирал по коже, и путешественники обрадовались, когда собрались в общей комнате или зале, где в большой дыре, которую никак нельзя было назвать камином, горел огонь. Незадолго до этого туда бросили несколько зеленых веток, которые наполнили помещение едким дымом. Эта комната соответствовала всем остальным. Пол был выстлан кирпичами и чрезвычайно грязен; посередине стоял большой дубовый стол, размеры и тяжесть которого не позволяли сдвинуть его с места.

Только одно обстоятельство находилось в противоречии с общей бедностью – одежда хозяйки. Хотя платье ее было чрезвычайно грязно и изорвано, однако сшито из дорогой парчи. Серьги, кольца и несколько ниток жемчуга, с крестом из драгоценных камней, были достойны украсить любую принцессу. Черты лица ее были, скорее, красивы, но обнаруживали нечто, внушившее девушке отвращение к этой особе. Она была чрезвычайно заботлива и расторопно выполняла приказания гостей, однако граф и его дочь почувствовали облегчение, когда она оставила их на попечение замарашки служанки, а сама пошла готовить ужин.

Каспар беспрестанно бранил проводника, который от нерадивости или умышленно привез его господина и госпожу в такую гостиницу, и клялся своими усами, что отомстит старому плуту, как только они выберутся из гор. Он без конца ссорился с подозрительной служанкой, которая настойчиво пыталась выведать денежное положение путешественников.

Граф по натуре был добр и без ропота принимал все тяжести путешествия. Может быть, перенесенные настоящие несчастья научили его сносить без жалоб те неудобства, которые делают несчастными счастливых людей. Он придвинул к камину большое сломанное кресло для своей дочери, другое – для себя, потом взял в руки щипцы и постарался разложить дрова так, чтобы они вновь загорелись. Несмотря на все его старания, дым распространился по комнате так, что этот добрый господин потерял остатки терпения. Он встал, взглянул на дочь, оглядел грязную комнату, пожал плечами и снова принялся за дрова.

Ничто так не удручает в гостинице, как ленивая прислуга. Он долго терпел дым и хранил молчание, чтобы не вступать в разговор с нерадивой горничной. Наконец он был вынужден попросить сухих дров. Служанка вышла, пробурчав что-то себе под нос. Торопливо возвращаясь с охапкой сухих прутьев, она поскользнулась, упала и ударилась виском об угол одного из стульев. От падения с ней случился обморок, а из раны на виске полилась кровь. Как только она очнулась, то увидела, что дочь графа обследовала ее рану и перевязала ее своим платком. Такую помощь оказала бы всякая девушка, имеющая чувство сострадания; однако было ли что-то в поведении этого приветливого существа, которое склонилось над ней, или в голосе красавицы, но это тронуло сердце служанки, не привыкшей получать помощь от господ. Она схватила нежную руку польки, прижала к своим губам и воскликнула: «Дай Бог, чтобы вас сохранил святой Франциск, синьорита!»

Приезд новых гостей нарушил тишину в гостинице. Это была испанская принцесса с большой свитой. Все вокруг пришло в движение: хозяйка спешила принять таких важных гостей, и бедный граф, его дочь и их ужин были позабыты на несколько часов. Старый Каспар пробормотал столько польских ругательств, что итальянский слух пришел бы в отчаяние, если бы мог их понять. Впрочем, невозможно было убедить хозяйку, что старый господин и его юная дочь важнее, чем все дворянство Испании.

Шум, возвестивший о прибытии новых постояльцев, привлек девушку к окну, откуда она могла видеть приехавших гостей.

Молодой кавалер выпрыгнул из кареты и помог выйти из нее принцессе. Принцесса была старухой с безобразным лицом и черными блестящими глазами. Она была богато и со вкусом одета и опиралась на трость с золотым набалдашником, высота которой едва не превышала рост

самой принцессы. Молодой человек был высок и строен. Юная графиня, скрытая от взоров приезжих занавеской, тотчас отскочила от окна, как только его увидела, и испустила глубокий вздох, закрывая ставню. Что означал этот вздох, я сказать не могу. Может быть, причиной его было разительное отличие между богатым экипажем принцессы и грозившей рассыпаться каретой ее отца, стоявшей поблизости.

Что бы ни явилось причиной, но молодая девица затворила окно со вздохом. Она вернулась к своему креслу, и легкая тень пробежала по ее лицу. Она села, облокотилась о ручку и принялась печально глядеть на огонь.

Граф заметил, что она побледнела.

– Ты нездорова, дочь моя? – спросил он ее.

– Нет, дорогой мой батюшка! – отвечала она, положив его руку в свою и взглянув на него с улыбкой; но, когда она это сказала, предательница слеза упала на пол и графиня отвернулась.

– Сквозняк у окошка простудил тебя, – сказал граф с улыбкой. – Спокойная ночь все исправит.

Наконец накрыли к ужину, но только хотели принести кушанья, как вошла хозяйка и извинилась за то, что должна пригласить сюда недавно приехавших гостей. Так как ночь холодна, а у них нет других теплых комнат, то она попросила их разместиться в той, где горел камин. Как только она извинилась, вошла принцесса, которую вел тот самый красивый молодой человек.

Граф тотчас узнал в госте даму, которую часто видел в обществе в Неаполе и Риме и у которой и сам не раз бывал на приемах.

Молодой человек был ее племянником и наследником и выгодно отличался от многих своим богатством и хорошим воспитанием. Однажды он встречался с графом и его дочерью – на даче у одного знатного неаполитанца. Молва просватила его за богатейшую наследницу некоего знатного вельможи.

Эта встреча оказалась приятной как для графа, так и для принцессы.

Граф был по-старинному учтив. Принцесса же в свое время была красавицей, всю жизнь она любила щеголять и слушать комплименты.

Молодой человек подошел к юной графине с целой тысячей учтивых комплиментов, но в его походке и голосе обнаружилось то смущение, которое, наконец, совершенно лишило его дара речи. Молодая дама между тем потупила взор и не произнесла ни единого слова. Она снова опустилась в кресло, где осталась сидеть неподвижно, глядя на огонь, в то время как множество различных переживаний и чувств отражались на ее лице.

Старики, которые в это время приветствовали друг друга, не заметили странного поведения молодых людей. Они договорились вместе поужинать, и, так как принцесса везла с собой своего повара, в скором времени на столе появился обильный ужин. К нему присоединились отборные вина, ликеры и пирожные, которые оказались в одной из повозок, предназначенных для кухни. Принцесса была охотницей до всего изысканного, что может принадлежать человеку.

В данное время она вознамерилась совершить путешествие в Лорето, чтобы посредством богатых пожертвований получить отпущение грехов. Она, конечно, была слишком роскошна для богомолки и очень отличалась от тех, кто ходит на богомолье с сумою. Но странно было бы требовать такого самоотречения от людей, живущих по законам нынешнего света; однако же нельзя усомниться и в сильном действии богатых подарков, которые она везла тамошнему монастырю.

Принцесса и граф во время ужина толковали о светских происшествиях, которыми они в свое время наслаждались, и не замечали, что говорят только они одни. Молодые люди молчали и по очереди тяжело вздыхали. Девушка, невзирая на все просьбы принцессы, не притронулась ни к одному из любимых кушаний старухи. Граф на это только пожимал плечами.

– Ей что-то нынче нездоровится, – сказал он. – Я думал, что она упадет в обморок, когда она увидела ваш экипаж.

Румянец покрыл щеки дочери, которая опустила голову, чтобы скрыть смущение.

Как только ужин окончился, все придвинули стулья поближе к камину. Пламя уже погасло, дым рассеялся, и горячие угли распространяли приятное тепло. Гитара, которую принесли из кареты графа, стояла у стены. Принцесса увидела ее и сказала:

– Мне хотелось бы насладиться приятной музыкой, прежде чем мы разойдемся по своим спальням.

Граф гордился талантом своей дочери и попросил ее выполнить просьбу принцессы.

Молодой человек, соблюдая правила учтивости, взял гитару и подал ее прелестной музыкантше. Она бы с радостью отказалась от этого предложения, но не успела, поскольку пребывала в чрезвычайной рассеянности. Дрожащей рукой она взяла инструмент и, сыграв несколько аккордов, пропела две польские песни.

Глаза ее отца заблестели от радости. Даже ворчун Каспар остался в комнате: отчасти из любви ко всему польскому, отчасти из уважения к таланту своей госпожи.

В самом деле, мелодичность музыки и нежность исполнения привели бы в восхищение даже самых неотесанных людей. Старуха принцесса кивала головой и постукивала в такт рукой, хотя иногда и не совсем верно. Между тем как племянник, погружившись в свои мысли, рассматривал картину, висящую на стене и почерневшую от дыма.

– Теперь, – сказал граф, потрепав дочь по щеке, – я прошу тебя, спой принцессе ту испанскую песенку, которую ты так любишь. Вы не можете вообразить, – прибавил он, – какие она сделала успехи в вашем языке, несмотря на то, что давно уехала из Испании и после этого совсем не занималась им.

Яркий румянец залил щеки дочери. Она помедлила, что-то смущенно пробормотала, но потом смело взяла гитару и заиграла. Это был испанский романс, – как водится, про любовь и тоску. Она пропела первую строфу с большим чувством, и ее прелестный голос тронул сердца. Но мало-помалу ее пение становилось все тише, губы задрожали и целый ручей слез устремился по щекам.

Граф с нежностью обнял ее.

– Ты нездорова, дочь моя, – сказал он, – и я тревожу тебя. Иди в свою спальню. Да благословит тебя Бог!

Девушка поклонилась и не глядя на присутствующих вышла из комнаты.

– Дочь моя больна, а я не знаю чем. С недавнего времени она утратила и здоровье, и всю свою веселость. Она всегда была точно нежный цветок, и мне стоило немалых трудов вырастить ее. Извините, – продолжил он, – слабость отца, но я много перенес в своей жизни. Она – мое единственное сокровище.

– Может быть, она влюблена? – спросила принцесса с улыбкой.

– Не может быть! – с горячностью возразил граф. – Она никогда мне об этом не говорила!

Племянник принцессы поспешно встал и принялся ходить по комнате.

Молодая полька, оставшись одна в спальне, отворила окно, чтобы развеять свою грусть и подышать свежим вечерним воздухом. Может быть, причиной недавнего смущения было уязвленное самолюбие? Но кроткий нрав девушки не давал оснований для подобных предположений.

– Он видел меня плачущей! – сказала она, и снова яркий румянец разлился по ее щекам и голос задрожал. – Никогда, никогда! – С этими словами она ухватилась за оконную раму, другой рукой закрыла лицо и принялась проливать горькие слезы.

Так сидела она, погружившись в свои мысли, до тех пор пока не услышала голоса отца и Каспара, доносившиеся из соседней комнаты, и не поняла, что компания уже разошлась по своим спальням. Свет, который мелькал в окошках, подсказывал ей, что принцессу провожают

в ее покои, находившиеся во флигеле гостиницы. Она ясно различила лицо племянника, когда тот проходил мимо окон.

Юная графиня глубоко вздохнула и уже хотела закрыть окно, как вдруг ее внимание привлек разговор двоих людей, стоявших на углу под окном.

– А что сделают с несчастной молодой дамой? – спросил голос, по которому она узнала служанку.

– Ха! И ее тоже убьют! – ответил голос, принадлежавший Пьетро.

– Разве нельзя оставить ее в живых? – промолвил умоляющий голос служанки. – Она так добра!

– Что нам за дело до этого? – отвечал второй голос с негодованием. – Неужели ты хочешь, чтобы все мы погибли из-за этой девицы?

Между тем оба удалились от ее окна настолько, что полька не могла больше ничего разобрать. Однако этот короткий разговор взволновал ее.

Если он касался ее самой, то как избежать опасности? Она несколько раз собиралась постучать в дверь отцовской спальни, чтобы рассказать о том, что слышала. Но она боялась, что ошибается и разговор касается кого-то другого, поскольку он был невнятен по смыслу и определенно понять было ничего нельзя.

В то время, когда она размышляла, как поступить, ее встревожил шум в углу комнаты. Подойдя туда со свечой, она увидела дверь, которую прежде не заметила и которая была заперта изнутри на задвижку. Она подошла поближе, спросила, кто там, и услышала голос служанки. Едва она отворила дверь, как та вбежала в комнату, бледная и запыхавшаяся, прижимая палец к губам в знак молчания и осторожности.

– Бегите отсюда! – прошептала она. – Бегите немедленно из этого дома, иначе вы погибнете!

Молодая графиня, задрожав от испуга, просила объяснить ей, в чем дело.

– Мне некогда! – ответила служанка. – Да я и не могу: меня заподозрят, начнут искать, если я здесь задержусь. Бегите сию же минуту или вы погибнете!

– И я должна оставить отца?

– Где он?

– Рядом, в соседней комнате...

– Так зовите его сюда, но не теряйте времени!

Юная полька постучалась в дверь к отцу. Он еще не спал.

Девушка вбежала в его комнату и рассказала о предостережении, которое только что выслушала. Подробнее расспросив служанку, граф выяснил, в чем дело: гостиница была окружена разбойниками, которых собирались впустить в полночь, когда заснет прислуга принцессы и все путешественники.

– Но мы можем запереть все двери и обороняться! – воскликнул граф.

– Это невозможно! Все люди в гостинице в сговоре с разбойниками...

– Но как нам спастись? Нельзя ли быстро заложить карету и уехать?

– Святой Франциск! Разве это поможет? Они увидят, что их планы раскрыты, и это только подзадорит их! Они осведомлены, что в гостинице их ждет богатая добыча, которую они не хотят выпустить из рук.

– Но как же нам бежать?

– На заднем дворе стоит лошадь, – ответила служанка. – Человек, ездивший на ней созывать разбойников, только что привязал ее там.

– Только одна лошадь? Но нас же трое! – воскликнул граф.

– А испанская принцесса? – напомнила его дочь. – Как спасти ее?

– Diavolo! Какое мне до нее дело?! – гневно вскричала служанка. – Я хотела спасти вас, а вы собираетесь меня выдать! Раззвонить о том, что я изменница, и тогда все мы погибнем.

Послушайте, – продолжала она, – меня уже хватились! Еще одно слово – и меня найдут. Эта дверь ведет на лестницу, а эта – во двор. В конце двора вы найдете калитку, которая ведет в поле. Там вы и найдете лошадь. Берите ее, поезжайте вокруг скалы, в тени, – будьте осторожны! Когда достигнете пруда и дороги, где стоят три белых креста, пришпорьте лошадь и постарайтесь как можно скорее добраться до деревни. Но не забудьте, что и моя жизнь в ваших руках: не рассказывайте никому о том, что вы видели и слышали в гостинице.

И служанка поспешно удалилась.

Граф некоторое время советовался с дочерью и старым Каспаром, что следует сделать. Молодая графиня, позабыв о тревоге за собственную жизнь, думала только о принцессе. Граф тоже не хотел уезжать подобным образом. Он не мог согласиться с тем, чтобы бежать одним, не известив беззащитных путешественников об угрожавшей им опасности.

– Подумайте о нашей молодой барышне, – сказал Каспар. – Если мы не будем осторожны, то поднимем на ноги всю гостиницу, что только ускорит развязку.

Эти слова испугали отца: он взглянул на любимую дочь, трепеща от одной мысли, что она может попасть в руки разбойников.

Но дочь, однако, меньше всего заботилась о себе.

– Принцесса, принцесса! Ее нужно известить об ужасной опасности! Я готова разделить с ней любую беду...

Наконец Каспар с верностью старого слуги предложил сделать следующее.

– Садитесь на лошадь, – сказал он графу, – посадите ее позади себя и скачите быстрее. Спешите в деревню, созывайте жителей и пришлите нам помощь. Я останусь здесь, разбужу принцессу и ее людей. Я – старый воин и надеюсь, что мы сумеем выдержать осаду, пока не придет помощь.

Девушка тем не менее не соглашалась оставить принцессу.

– Что вы медлите! – сурово промолвил старый Каспар. – Вы не можете защитить ее и будете только мешать. Ведь мы будем вынуждены заботиться только о вас, а не обороняться.

Выслушав этот последний довод, она не стала больше противоречить. Граф зарядил свои пистолеты, взял дочь под руку и поспешно спустился по лестнице.

Девушка обернулась и промолвила, запинаясь:

– С принцессой находится молодой человек, ее племянник, может быть, он мог бы...

– Я ручаюсь, милостивая государыня, – сказал Каспар, понимающе кивнув головой, – что ни с чьей головы не упадет ни единого волоса.

Молодая графиня покраснела: она и не подозревала, что умный слуга давно раскусил причину ее тревоги.

– Я не то имела в виду, – сказала она с волнением и продолжала бы говорить дальше, если бы старый граф не увел ее, так как время было дорого.

Они пересекли двор и вышли из калитки, возле которой была привязана к кольцу лошадь. Граф сел на лошадь, посадил дочь позади себя, и поехал как можно осторожнее в том направлении, которое указала им служанка. Девушка все время беспокойно оглядывалась, чтобы еще раз взглянуть на полуразрушенное здание гостиницы. Свечи, слабо мерцавшие в закопченных окнах, мало-помалу гасли; это являлось сигналом для разбойников, извещавшим, что обитатели уснули. Она опасалась теперь лишь того, что подмога явится тогда, когда будет уже слишком поздно. Соблюдая все необходимые меры предосторожности, в полном молчании они объехали вокруг скалы, стараясь держаться в ее тени. Миновали пруд и приблизились к тому месту, где были установлены три белых креста в знак того, что некогда здесь случилось убийство. Едва они достигли этого места, как вдруг из ущелья показались несколько человек, скрытых темнотой ночи.

– Кто там? – раздался голос.

Граф пришпорил лошадь, но один из незнакомцев выскочил на дорогу и схватил лошадь под уздцы. Та взволновалась, стала на дыбы, и молодая полька упала бы с нее, если бы не уцепилась за отца. Граф пригнулся, выхватил пистолет и выстрелил – разбойник упал замертво. Лошадь стремительно сделала несколько скачков вперед. Вдогонку беглецам прогремели два-три выстрела, и пули прожужжали у них над головами, что ускорило их бегство. Наконец, они благополучно достигли деревни.

На призывы о помощи сбежались все жители селения, но ужас, наведенный на них разбойниками, был так велик, что никто не отваживался противостоять им. Отчаянная шайка уже некоторое время беспокоила эту дорогу, и многие давно подозревали, что та гостиница – страшное место, в которое заманивают беззащитных путешественников и затем отправляют их на тот свет. Одних драгоценностей, которые носила чумазная хозяйка, было достаточно, чтобы возбудить подозрения. Уже не раз случалось, что небольшие группы путешественников таинственным образом пропадали на этой дороге. Многие предполагали, что они были захвачены разбойниками и спрятаны в горах с целью получить за них от родственников значительные суммы в качестве выкупа. Но ни у кого и в мыслях не было, что возможно такое злодейство. Все эти сведения граф получил от деревенских жителей, когда пытался уговорить их спасти принцессу и ее слуг. Дочь поддерживала отца со всем возможным красноречием и слезами. Каждая лишняя минута промедления увеличивала ее отчаяние. К счастью, в деревне остановился на ночлег значительный отряд жандармов. Несколько молодых людей из числа жителей присоединились к ним, и этот отряд наконец двинулся вперед. Граф, устроив в безопасности свою дочь, почувствовал в себе прежние солдатские привычки, побудившие его присоединиться к остальным. Можно легко себе представить, что чувствовала молодая девушка, ожидавшая развязки этого происшествия.

Спешившие на помощь прибыли в гостиницу как раз вовремя. Разбойники, увидев, что их планы раскрыты и что путешественники готовы дать им отпор, немедленно напали на гостиницу. Слуги принцессы забаррикадировались в своих комнатах и отражали атаки разбойников, стреляя из окон и дверей. При этом Каспар проявил опытность старого вояки, а племянник принцессы – храбрость молодого героя. Порох и пули были у них почти на исходе, когда беглый огонь жандармов возвестил о прибытии помощи.

Тут-то и произошел самый упорный бой, поскольку одна часть разбойников была вынуждена обороняться в замке, а другая, находившаяся под прикрытием скал и густого кустарника, старалась помочь им бежать.

Я не могу дать достоверную картину этого сражения, поскольку о нем ходят самые разные слухи. Ясно одно: разбойники были побеждены, некоторые из них убиты, а некоторые взяты в плен. Пленники, как и прислуга гостиницы, частично были казнены, частично сосланы на галеры.

Я узнал все эти подробности во время путешествия, которое совершал вскоре после тех событий. Я сам видел эту гостиницу. Она была уже скрыта, за исключением флигеля, в котором разместились отряд жандармов. Они показали мне отметины, оставленные пулями на дверях, стенах и рамах.

Множество человеческих останков висело на деревьях; довелось увидеть скелеты и тех разбойников, которые пали во время сражения, и тех, которые были казнены. Вся местность вокруг походила на дикую пустыню.

– Погибли ли люди принцессы? – спросил англичанин.

– Насколько я знаю, двое или трое.

– Но, надеюсь, не племянник? – спросила прелестная венецианка.

– Нет-нет. Он поспешил вместе с графом успокоить его дочь и известить ее о победе.

Надежда поддерживала ее силы, но в ту минуту, когда она увидела живыми и невредимыми

своего отца и племянника принцессы, она ахнула и упала в обморок. К счастью, она не только вскорости пришла в чувство, но, что более заслуживает внимания, вышла замуж за этого молодого человека и посетила вместе с остальной компанией и принцессой собор в Лорето, где дары последней хранятся в ризнице, называемой Санта Каса.

Было бы весьма утомительно в точности передавать весь последующий разговор, пробираясь сквозь лабиринт подобных историй, до тех пор пока его не прервали два новых путешественника, прибывших в составе прокацио. Это были господа Гоббс и Доббс, два купца, только что возвратившихся из Палестины и Греции. Они с ужасом поведали о приключении семейства Олдермана Поппинса и удивлялись, что разбойники отважились напасть на такого человека, который играл важную роль на бирже, был первым торговцем в Трогмортон-стрит и к тому же государственным лицом.

В самом деле, рассказы об этом семействе были весьма любопытны.

Многие из присутствовавших хотели рассказать о приключениях семейства Олдермана Поппинса, и вот что я нашел в путевых заметках англичанина, составившего повествование на основе тысячи взаимоисключающих рассказов полудюжины людей, начавших одновременно излагать эту историю.

Часть вторая

Глава I. Приключение семейства Поппинс

Карета Олдермана Поппинса за несколько дней перед этим останавливалась в гостинице Террачины. Кто был свидетелем прибытия экипажа англичан на материке, тот представляет, какой шум наделала и эта карета. Она – копия самой Англии, частица старого острова, которая катится по всему свету. Колеса вертятся вокруг патентованных осей без всякого скрипа. Кузов, отличной работы, прилажен к рессорам, которые не гнутся от каждого движения и защищают от всякого толчка. Из окон ее выглядывают цветущие лица, которые иногда принадлежат богатому и пожилому господину, иногда – толстой старухе, иногда – молодой, прелестной барышне, которая будто бы только что посетила модный магазин. На козлах сидят хорошо одетые лакеи, откормленные бифштексом, с презрением взирающие со своей высоты на весь свет, не знающие ничего о земле и народе и уверенные, что все, что родилось вне Англии, должно быть плохо.

Вот картина прибытия Олдермана Поппинса в гостиницу Террачины. Курьер, прибывший впереди кареты, чтобы подготовить свежих лошадей и бывший неаполитанцем, нарасказывал чудес о богатстве и величии своего господина; с живостью итальянца надавал ему титулов и чинов, поэтому, когда хозяин наконец прибыл самолично, то его величали и милордом, и светлостью, и высочеством, и еще бог знает как.

Поппинсу советовали взять охрану до Фонди и Итри, но он не захотел этого сделать. Он уверял, что лично убьет всякого, кто осмелится напасть на него по дороге, и что он будет жаловаться английскому послу в Неаполе. Леди Поппинс, женщина средних лет, надеясь на защиту своего мужа, такого важного государственного чиновника, казалось, была совершенно спокойна. Синьорины Поппинс, две прелестные молодые особы, во всем полагались на своего брата Тома, который брал уроки кулачной борьбы. К тому же молодой щеголь божился, что ни один дурак из итальянских разбойников не отважится драться с молодым английским дворянином. Хозяин пожал плечами, витиевато раскланялся, и карета милорда Поппинса выехала со двора.

Они миновали множество опасных мест совершенно без всяких приключений. Девушки Поппинс, которые прочли до того немало романов об Италии и умели рисовать, не могли нарадоваться на красоты дикой природы. Она походила на ту природу, описание которой они прочли в романах госпожи Радклиф*. И вот им пришлось ехать вокруг одной высокой горы. Госпожа Поппинс уснула, молодые леди любовались окрестностями, а их брат, сидя на козлах, читал вознице наставления о езде. Милорд вылез из кареты, чтобы пройтись и чтобы, как он сам уверял, дать отдохнуть лошадям. Гора была очень крута, и он вынужден был часто останавливаться, чтобы отдохнуть и отереть пот. Кроме того, он беспрестанно кашлял, так как страдал одышкой. Карета двигалась медленно по причине тяжести туго набитых чемоданов и тяжеловесности самих путешественников.

Возле одного холма, где дорога шла под гору, милорд увидел человека, пасшего коз. Олдерман Поппинс принадлежал к тому разряду путешественников, которые любят вступать в разговор с людьми, встретившимися им на пути. Посему он потрудились вскарабкаться на холм, чтобы поболтать с этим добрым человеком, а заодно и поупражняться в итальянском языке. Однако, как только он приблизился к незнакомцу, в его облике милорду почувствовалось что-то подозрительное. Человек, который, как показалось сначала, пас коз, сидел на большом камне, закутавшись в широкий плащ, так что, за исключением лица, половину которого закрывала широкая шляпа, ничего, кроме пары сверкающих глаз, густых бровей и длинных

усов, не было видно. Он несколько раз свистнул своей собаке, которая бегала подле. При виде Поппинса он привстал, поклонился ему и когда выпрямился во весь рост, то показался милорду настоящим великаном. Но поскольку сам Поппинс был почти карликом, то мы полагаем, что он мог ошибаться.

Англичанину захотелось оказаться в карете, а еще лучше – на бирже в Лондоне, потому что общество, в котором он очутился, ему весьма не понравилось. Он не желал, чтобы его сочли неучтивым, и начал разговор о погоде, о жатве и о цене на коз в этой местности, но тут услышал ужасающий крик. Подбежав к краю холма и взглянув вниз, он увидел, что его карета окружена разбойниками. Один из этих молодцов держал толстого лакея, другой – юного щеголя за тугой воротник и при этом был готов выстрелить в него при малейшем его движении. Обе девушки визжали в карете, а их горничная рыдала на козлах.

Олдерман Поппинс почувствовал в эту минуту весь гнев отца и государственного чиновника. Он покрепче ухватил свою испанскую трость и уже намеревался сбежать с холма, чтобы напасть на разбойников или прочитать им наставление, как вдруг почувствовал, что кто-то держит его за руку. Это был его приятель, пастух коз, плащ которого свалился в эту минуту с плеч и открыл взору богатый кушак, увешанный пистолетами и кинжалами. Одним словом, он находился в лапах у самого атамана разбойников, который сидел на холме и высматривал добычу, чтобы тотчас дать знак своим людям.

Тут начался грабёж. Чемоданы были опрокинуты, и все дорогие вещи и щегольские принадлежности семейства Поппинс были раскиданы на дороге. Здесь валялись венецианские кораллы, римские мозаики, там – парижские чепцы молодых леди, в другом месте – колпаки и чулки самого милорда, а в стороне – щетки, зубочистки и тугие галстуки молодого щеголя.

Мужчин лишили часов и кошельков, дам – украшений, и разбойники вознамерились тащить все общество в горные ущелья, но, к счастью, вдали показались солдаты и это заставило разбойников бежать с добычей, а семейство Поппинс – собрать остатки имущества и продолжить путь в Фонди.

Когда они прибыли туда, милорд наделал много шума в гостинице, грозясь подать жалобу английскому послу в Неаполе и обещая наказать палками всю страну. Юный щеголь рассказывал истории о сражении с этими бродягами, которые осилили его только своей численностью. Что касается молодых леди Поппинс, то они не разделяли восхищения этим приключением и лишь целый вечер записывали это происшествие в свои дневники. Они, однако, утверждали, что атаман был человеком, достойным быть описанным в романах, и полагали, что он или несчастный любовник, или изгнанный дворянин, а многие из его шайки – истинные красавцы, достойные кисти живописца.

– В самом деле, – добавил хозяин гостиницы в Террачине, – многие уверяют, что атаман этой шайки весьма галантный мужчина.

– Учтивый человек, – сказал англичанин с презрением, – которого я лично повесил бы как собаку!

– Так поступать с англичанами! – поддержал его мистер Гоббс.

– И с таким семейством, как Поппинсы, – добавил мистер Доббс.

– Ваше государство должно возместить убытки! – сказал Гоббс.

– Наш посол обязан был жаловаться вашему королю! – прибавил Доббс.

– Следовало бы выгнать всех этих мошенников из Италии, – поддержал Гоббс.

– Да, и если вы не сделаете этого, то мы объявим вам войну! – заключил Доббс.

– Хм! Все это вздор, – пробормотал англичанин и вышел вон.

Англичанина утомила эта история и чрезмерная горячность его соотечественников, и он был искренне рад, что приглашение к ужину разлучило его с другими путешественниками. Он удалился вместе со своими венецианскими друзьями и одним молодым французом, который

присоединился к нему во время общего разговора и показался англичанину весьма учтивым. Они решили прогуляться по морскому берегу при свете луны.

Совершая прогулку, они подошли к одному месту, где солдаты образовали нечто вроде небольшого лагеря.

Оказалось, что солдаты стерегли нескольких человек, приговоренных к галерам, которые, пользуясь случаем, наслаждались вечерней прохладой, валяясь на песке и потихоньку развлекаясь.

Француз остановился и указал на кучку несчастных пленников, игравших в какую-то незатейливую игру.

– Весьма печально, – сказал он, – видеть такое количество преступников, какое мы встречаем в этой стране. Вероятно, большая часть из них – разбойники. Такое случается здесь часто: убийца отца, убийца матери, детей, всякий злодей бежит от правосудия и становится разбойником в горах. Утомившись от такого образа жизни, сопряженного с постоянной опасностью, кто-то делается предателем, выдавая своих приятелей правосудию. Таким образом, приговор ему ограничивается галерами вместо казни и он почитает себя счастливецом, поскольку может, подобно животному, валяться на песке.

Прелестная венецианка содрогнулась, взглянув на кучку невольников, собравшихся здесь, чтобы насладиться вечерней прохладой.

– Они похожи, – сказала она, – на змей, которые вьются одна вокруг другой.

Мысль о том, что некоторые из них были разбойниками, этими ужасными существами, которые в последние дни так занимали ее воображение, заставила ее еще раз боязливо взглянуть на этих несчастных. Взглянуть так, как мы взираем на ужасное хищное животное, – со страхом и замиранием сердца, даже если оно заперто в клетке и сковано цепями.

Мало-помалу, опять возобновился разговор о разбойниках, начатый в гостинице. Англичанин уверял, что некоторые рассказы – выдумка, а другие преувеличены. Что касается истории импровизатора, то это – роман, родившийся в голове отчаянного вряля.

– В самом деле, – ответил француз, – в образе жизни этих людей есть что-то романтическое, что не позволяет определенно сказать, что в истории выдумка, а что – нет. Со мной самим случилось приключение, позволившее мне подробнее узнать их нравы и обычаи, и я решил, что в них есть что-то необыкновенное.

Искренность и учтивость, с которыми говорил француз, внушили симпатию всей компании, не исключая и англичанина. Поэтому его дружно попросили рассказать об этом происшествии, и он, неспеша прогуливаясь по берегу, начал следующий рассказ.

Глава II. Приключение одного живописца

По роду занятий я художник и долгое время жил в имении одного богатого князя, которое находилось в нескольких милях от Рима, в одной из самых живописных местностей Италии. Это было на высотах старого Тускула*. Невдалеке и сейчас виднеются развалины вилл Цицерона*, Суллы*, Луцилия*, Руфина* и других знаменитых римлян, которые отдыхали здесь от своих трудов. Из беседки открывался великолепный вид на окрестности, навевающий мысли о славных античных временах: Албанские горы, Тиволи – некогда излюбленное местопребывание Горация* – и Мецената*, обширная и дикая Кампания*, с орошающим ее Тибром, и собор Святого Петра, который гордо возвышается посреди развалин древнего Рима.

Я помогал князю отыскивать разные древности, страстным любителем которых он был. Наши труды не оставались без награды. Мы откопали там множество статуй и остатков памятников великолепной работы, сделанных с тем вкусом и пышностью, которые некогда царили в древних тускуланских жилищах. Все его имение было украшено статуями, рельефами, вазами и саркофагами, которые мы похитили у земли.

Образ жизни, который мы вели, был весьма приятен, а в часы отдыха мы предавались различным развлечениям. Каждый из нас проводил дневные часы так, как того требовали его занятия или как ему было угодно, но после заката солнца мы собирались на общий обед.

Это случилось четвертого ноября, в ясный день, когда все мы собрались по первому звонку к обеду в столовую. Все семейство изумилось отсутствию священника. Его долго ждали, но тщетно. Наконец сели за стол. Сначала его отсутствие объясняли тем, что он, верно, пошел прогуляться дальше чем обыкновенно, и первые блюда убрали со стола без всякой тревоги. Когда подали десерт, а он тем временем так и не появился, начали беспокоиться. Опасались, что он занемог где-нибудь в лесу или попал в руки разбойников. Неподалеку от виллы возвышались Абруцкие горы, прибежище разбойников. И в самом деле, с некоторых пор они сделали эту местность небезопасной, и многие видели, как Барбоне, атаман здешней шайки, появлялся в уединенных местах Тускулы. Отчаянные вылазки этих разбойников были широко известны, а те, кто стал предметом их зависти или мщения, не чувствовали себя спокойно даже в собственных домах. До сего момента владения князя оставались невредимы, но от одной мысли, что такие ужасные люди бродят по окрестностям, все испытывали беспокойство. Волнение семейства к вечеру еще больше усилилось. Князь приказал своим слугам и охотникам взять факелы и идти искать священнослужителя.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как они отправились на поиски, и мы услышали в нижнем этаже слабый шум. В это время вся семья ужинала наверху, а прислуга подавала на стол. Внизу оставались только кастелянша, прачка да еще три работника, отдыхавшие и беседующие между собой.

Я первый услышал шум и, решив, что это вернулись мои люди, встал из-за стола и выбежал на лестницу, желая узнать причину и сообщить радостное известие князю и княгине, чтобы прекратить их волнение. Едва я спустился с лестницы, как увидел перед собой человека, похожего на разбойника, который держал в руках карабин, а из-за пояса у него торчали кинжал и пара пистолетов. Черты лица его были суровы и радостны одновременно. Увидев меня, он с торжеством прокричал, схватив меня за воротник:

– Ты князь?

Я сразу понял, в чьем обществе очутился, и, стараясь не потерять присутствия духа, остался невозмутимым. Оглядевшись, я понял, что их здесь несколько и что они вооружены так же, как и первый. Они стерегли обеих женщин и трех работников.

Разбойник, державший меня за воротник, неоднократно повторил свой вопрос: князь я или нет? Намерения их были ясны: они собирались выкрасть князя и, спрятав его в горах, затребовать за него огромный выкуп.

Разбойник ужасно сердился на меня, что я отвечал неопределенно, поскольку я смекнул, как важно его обмануть.

Тут я решил освободиться от его хватки. Хоть я и был безоружен, зато достаточно силен. Его товарищи находились поодаль. Подумав об этом, я тут же осуществил задуманное. Шея злодея была открыта. Правой рукой я схватил его за горло, а левой – за руку, в которой он держал карабин.

Он не ожидал внезапного нападения, и я одолел его: издав стон, он пошатнулся. Я уже чувствовал, как ослабела его рука, и собирался в один прыжок достичь лестницы, используя момент, пока он не пришел в себя, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня сзади.

Я был вынужден выпустить свою добычу. Разбойник, освободившись, обрадованный, отчаянно набросился на меня и ударил прикладом карабина в лицо так, что рассек мне лоб. Я потерял сознание, и, воспользовавшись этим, он вынул у меня из карманов часы и все, что в его глазах представляло ценность.

Придя в себя, я услышал голос их атамана, который сказал:

– Ты князь и пойдешь с нами!

Они тотчас окружили меня и поволокли из дома, прихватив заодно и троих работников.

У меня не было шляпы, кровь текла по лицу, и я старался остановить ее носовым платком, которым и перевязал себе лоб. Атаман вел меня с триумфом, полагая, что я и есть князь. Мы прошли уже значительное расстояние, прежде чем один из работников объяснил ему его ошибку. Бешенство разбойника не имело границ. Теперь поздно было возвращаться на виллу и исправлять промах: там ударили в набат, и, вероятно, все люди были уже вооружены. Он взглянул на меня с бешенством, орал, что я его обманул, что я причина его неудавшегося плана, и приказал мне готовиться к смерти.

Я увидел, что все они при этих словах схватились за кинжалы, и понимал, что это не простая угроза.

Работники поняли, что навлекли на меня страшную опасность своими объяснениями, и принялись уверять атамана, что я человек, за которого князь не пожалеет изрядной суммы. Что касается меня, то я не могу сказать, что их угрозы меня испугали. Я не хочу хвалиться своим мужеством, но в последние беспокойные времена я так привык к испытаниям, а смерть столько раз угрожала мне, что я постепенно перестал ее страшиться. Несчастья, сыпавшиеся на человека как из рога изобилия, делают его в конце концов хладнокровным, как игрока, который постепенно становится равнодушен к деньгам. На все угрозы разбойников я отвечал, что они окажут мне тем большую услугу, чем быстрее приведут их в исполнение.

Такое поведение изумило атамана, но заверения работников, что князь не пожалеет ради моего выкупа значительной суммы, оказало на него действие. Он задумался, стал спокойнее и подал знак своим товарищам, дожидавшимся приказа убить меня. «Вперед, – сказал он, – мы еще успеем разделаться с ним!»

Мы шли по дороге Ла Малара, которая ведет в Рокка Приори. Посреди дороги располагается одинокая гостиница. На расстоянии пистолетного выстрела от нее мы остановились и атаман приказал всем замереть. Сам же он пошел вперед, тщательно осмотрел гостиницу со всех сторон, поспешно вернулся назад и дал своей шайке знак тихо продолжать путь. Потом выяснилось, что гостиница была одной из тех, где собирались разбойники. Хозяин был в сговоре с атаманом и, вероятно, с предводителями других шаяк. Если в его гостинице останавливался патруль или жандармы, то он вывешивал особый знак у дверей. Если знака не было, то разбойники могли спокойно входить и рассчитывать на хороший прием.

Пройдя еще немного, мы повернули в сторону гор, которые окружают Рокка Приори. Путь наш был продолжителен и довольно тяжел. Совершив множество поворотов, мы вскарабкались на гору, стоящую посреди леса. На одной из полян мне приказали сесть на землю. Остальные разбойники сгрудились вокруг меня и по знаку атамана развернули свои плащи, образовав таким образом шатер, каркасом которого были они сами. Атаман высек огонь и зажег факелы. Плащи образовали собой палатку, для того чтобы в лесу не было заметно ни луча света. Как ни было опасно мое положение, но я не мог оторвать глаз от этой ширмы из темной материи, которая отличалась от разноцветной одежды разбойников, от блестящих кинжалов и пистолетов, от резких черт их лиц, освещаемых факелами, любуясь живописным видом этого бивака. Словом, все походило на театральное представление.

У атамана в руках между тем оказались чернильница, перо и бумага. Он дал мне их и приказал писать под его диктовку. Я повиновался. Это оказалось послание совершенно в разбойничьем стиле, требовавшее, чтобы князь незамедлительно прислал за меня выкуп в три тысячи скуди, и что всякое промедление с его стороны будет равноценно моей смерти.

Я хорошо представлял себе решительный характер этих людей, чтобы не сомневаться в том, что это не пустая угроза. Единственным способом, придававшим силу их требованиям, было то, что они немедленно приводили в исполнение свои угрозы. Но я прекрасно видел, что послание нелепо и написано слишком грубо.

Я сказал об этом атаману и объяснил ему, что такую значительную сумму никто не заплатит, поскольку я не приятель и не родственник князя, а просто художник, который может предложить в качестве выкупа только выручку от продажи своих картин. Если этой суммы недостаточно, то они могут убить меня, так как я стою немного.

Тем не менее я старался говорить с ними не слишком резко, хотя и заметил, что решительность и мужество действуют на разбойника. Так и вышло: когда я перестал говорить, атаман схватился за кинжал, но потом успокоился, взял письмо, сложил его и приказал мне написать адрес князя. Затем послал в Тускулум одного из разбойников, обещавшего в скором времени возвратиться.

Разбойники легли спать, приказав и мне сделать то же самое. Они расстелили на земле свои широкие плащи и легли вокруг меня. Один стал в некотором отдалении на карауле, смена которого происходила каждые два часа.

Странность и дикость окружающей обстановки, компания богоотступников, готовых в любую минуту схватиться за кинжалы, жизнь которых была столь невероятной и несправедливой, могли лишить сна и покоя всякого. Сырая земля и холодная роса больше, чем душевные волнения, мешали мне сомкнуть глаза. Испарения Средиземного моря – хотя и отдаленного – достигали этих гор и несли с собой ужасный холод. Я придумал средство исправить это: я подозвал к себе одного из разбойников и попросил его лечь подле меня. Как только какая-то часть тела начинала замерзать, я придвигал ее к телу моего соседа и занимал у него теплоты. Таким образом я наконец заснул.

Когда рассвело, меня разбудил голос атамана. Он отыскал меня среди спящих, приказал встать и следовать за ним. Когда я внимательно рассмотрел его лицо, оно показалось мне добрее вчерашнего. Он даже помог мне забраться на гору между кустарниками.

Тут во мне пробудился инстинкт живописца, и я позабыл все беды и опасности при виде восходящего в Аbruцких горах солнца. На этих горах некогда Ганнибал раскинул свой лагерь, показывая своим воинам лежащий вдалеке Рим. Видно было весьма далеко. Небольшие тускуланские холмы, с их постройками и священными храмами, лежали внизу; по другую сторону Фраскати и Тускулы простиралась обширная Кампания, с рядами склепов, разрушенных каскадов, с башнями и куполами Вечного города.

Вообразите эту картину, освещенную лучами восходящего солнца. Представьте себе и дикую природу, среди которой вы находитесь и которая делается еще более дикой от присутствия разбойников: вы не удивитесь в этом случае, что волнение живописца пересилило его человеческие тревоги.

Разбойники удивлялись восторгу, который охватил меня при виде картины, бывшей для них привычной и обыкновенной. Я воспользовался случаем, что они сделали остановку, тотчас достал свой альбом и поспешно сделал набросок этого ландшафта.

Возвышение, на котором мы остановились, было совершенно пустынно и отделялось от Тускуланских гор полосой длиной около трех миль. Этот хребет был любимым местом пребывания разбойников, поскольку с него открывается хороший обзор и он отдален от жилищ находящихся поблизости лесом.

В то время как я рисовал, мое внимание привлекли крик птиц и блеяние овец. Я огляделся, но не увидел животных, голоса которых я слышал. Затем они раздались снова и, как мне показалось, доносились с вершин деревьев. Оглядевшись еще раз, я заметил шестерых разбойников высоко на дубах, росших на вершине хребта. Они высматривали оттуда добычу, как коршуны, обмениваясь между собой звуками, которые путешественник мог принять за карканье ворон, клекот соколов и блеяние овец.

Осмотрев окрестности и окончив свой странный разговор, они слезли с деревьев. Атаман поставил троих своих людей на караул с трех сторон горы, а сам, с одним из разбойников, на которого он больше всего полагался, остался стеречь нас.

Я держал в руках свой альбом с набросками. Он затребовал его и, посмотрев, сказал, что теперь удостоверился в правдивости моих слов о том, что я художник. Я начал дружески беседовать с ним. Вдруг он схватил мою руку, пожал ее и сказал с чувством:

– Ты рассуждаешь здраво, судишь правильно. Меня вынудили заняться этим ремеслом обиды и несчастья.

Он молчал несколько минут, затем опять с жаром заговорил:

– Я расскажу тебе коротко историю моей жизни, и ты ясно увидишь, что обиды, которые я претерпел от других, а не мои собственные преступления заставили меня бежать в горы. Я старался быть полезным для своих ближних, но они преследовали меня.

Мы присели на траве, и он рассказал мне следующую историю.

Глава III. История атамана разбойников

Я родился в деревне Проседди. Отец мой был довольно богат, и мы жили спокойно и независимо, обрабатывая наши поля. Все шло хорошо до тех пор, пока не был прислан новый начальник сбиров* в нашу деревню, для управления тамошней земской полицией. Он был человеком, который вмешивался во все дела и, исполняя должностные обязанности, притеснял невинных и бессовестно брал взятки. Мне было тогда восемнадцать лет и я обладал обостренным чувством справедливости.

Я кое-чему научился и был настолько начитан, что мог судить о людях по их поступкам. Все происходящее вселило в меня отвращение к деревенскому деспоту. В силу этого и все мое семейство оказалось у него на подозрении и было вынуждено часто терпеть от него притеснения.

Кровь во мне играла, и я пылал жаждой мщения. У меня был упрямый и вспыльчивый характер, и он вынуждал меня освободить свою местность от тирана, тем более что я ратовал за справедливость.

Продумав план, я встал рано поутру, спрятал у себя под жилетом кинжал – вот этот самый (при этих словах он вытащил длинный и острый стилет) и отправился караулить его в окрестностях деревни. Я знал все его маршруты, знал его привычку обходить спозаранку весь свой округ. Причем обходил он его, подобно волку, вышедшему на охоту. Наконец он попался мне навстречу, и я набросился на него. Он был вооружен, но я одолел его, потому что он не ожидал нападения, да и я был сильнее его. Я нанес ему несколько тяжелых ударов, и он упал к моим ногам мертвым.

Удостоверившись в том, что я убил его, я поспешил вернуться в деревню. Но, к несчастью, столкнулся с двумя сбирами. Они спросили, не видал ли я их начальника. Я прикинулся, что не знаю, и сказал «нет». Они пошли дальше и через некоторое время принесли в Проседди его труп. Так как подозрение пало на меня, то меня заковали в кандалы и посадили в тюрьму. Так я просидел несколько недель, пока князь, которому принадлежала наша деревня, не приказал предать меня суду. Мне прочли обвинение и представили свидетеля, который рассказал о том, что видел меня неподалеку от окровавленного тела, и таким образом меня приговорили к тридцатилетнему наказанию на галерах.

– Да будут прокляты такие законы! – воскликнул в сердцах разбойник. – И да будет проклято такое правление! Пусть тысяча проклятий падут на голову того князя, который так строго меня осудил, между тем как другие князья оставляют убийц в тысячу раз более виновных на свободе, покровительствуют им и даже защищают! Мое преступление было не чем иным, как любовью к отечеству и справедливости. Неужели мое злодеяние больше того, что совершил Брут, убив Цезаря ради свободы и справедливости?

Эта вспышка негодования у разбойника, уподобившего себя персонажу древней истории, была одновременно комической и величественной. По меньшей мере, он доказал, что знал историю своего отечества. Потом он успокоился и продолжил прерванный рассказ.

Меня отправили в оковах в Чивитта-Веккию. Я горел мщением. За шесть месяцев до этого я женился на молоденькой девушке, которую страстно любил и которая на момент моего ареста была беременна. Моя семья была в отчаянии. Все это время я тщетно пытался справиться с кандалами. Наконец я нашел кусок стали, который тщательно спрятал и из которого с помощью острого кремня сделал напильник. Ночью я принялся распиливать свои оковы, и мне удалось, разомкнув кольца цепей, счастливо бежать.

Несколько недель я бродил в горах и наконец нашел возможность тайно встретиться с женой. С того случая мы стали видеться довольно часто. Я решил стать атаманом разбойничьей шайки. Она долго уговаривала меня оставить это намерение, но, увидев, что я остаюсь тверд, поддержала меня и сама принесла мне кинжал. С ее помощью я собрал по соседству храбрых товарищей, которые давно дожидались случая уйти в горы и приняться за это ремесло. В скором времени наша шайка увеличилась. Мы достали оружие и получили возможность отомстить за свои обиды. До сего момента все шло удачно, и, если бы мы не ошиблись, посчитав тебя за князя, наше счастье было бы окончательным.

Так окончил разбойник свою историю. Во время рассказа он совершенно примирился со мной и объявил, что не сердит на меня за ошибку. Он даже обходился со мной по-приятельски и говорил, что хочет, чтобы я некоторое время провел в их обществе. Он обещал показать мне гроты, лежащие по ту сторону Веллетри, где обычно они отдыхают после своих дерзких вылазок. Он уверял меня, что они ведут там веселую, раздольную жизнь, хорошо едят и пьют и что им прислуживают красивые молодые девушки, которые могут служить мне прекрасными натурщицами.

Признаюсь, что любопытство мое увеличилось от описания этих гротов и его обитателей, поскольку я на личном опыте удостоверился, что рассказы о разбойниках справедливы, а не пустая выдумка. Я с удовольствием посетил бы эти пещеры, если бы был уверен в своей безопасности.

Мне стало легче переносить свое положение, поскольку я стал приятелем атамана. Я надеялся, что он меня отпустит, взяв небольшую сумму в качестве выкупа. Однако мне угрожала новая опасность.

В то время как атаман с нетерпением ожидал возвращения вестника, которого он послал к князю, прибежал разбойник, стоявший на часах с той стороны горы, которая обращена к Ла Молара.

– Нас предали! – закричал он. – Фраскатская полиция нас преследует! Батальон карабинеров останавливался в гостинице и теперь поворачивает вокруг горы. – При этих словах он выхватил кинжал и поклялся, что если солдаты предпримут что-нибудь против них, то я и мои товарищи ответят за это своими жизнями.

Атаман снова принял свой прежний, дикий вид и одобрил все, что говорил его подчиненный. Как только он удалился, то атаман заговорил со мной по-прежнему.

– Я должен, – сказал он, – чтобы поддержать свой авторитет, соглашаться со своими товарищами. У нас существует закон, что лучше убивать пленных, чем подчиняться силе. Но ты не бойся. Если на нас нападут, держись с нами, беги с нами, и я ручаюсь за твою безопасность.

Это мне не понравилось, поскольку в этом случае я оказывался в двусмысленном положении. Я не знал, чью сторону мне держать: или бежать от карабинеров, которые преследовали, или от разбойников, которых преследовали.

Я молчал и старался выглядеть спокойным.

Почти час я колебался, находясь между двух огней. Разбойники, которые рассеялись по кустам, замечали своими орлиными глазами все движения карабинеров, которые ходили вокруг гостиницы, иногда приближаясь к дверям, то опять удалялись, то осматривали свои ружья, то указывали в разные стороны и, по-видимому, расспрашивали о местности. Наконец страхи остались позади. Карабинеры, предварительно пообедав, двинулись вдоль долины, оставив горы в покое.

– Я абсолютно уверен, – сказал атаман, – что они высланы не против нас. Им известно, как мы в таких случаях поступаем с пленниками. Наши законы в этом отношении очень суровы, а их строгое выполнение необходимо для нашей безопасности. Если мы хотя бы раз отступим от этого правила, то больше никогда не получим денег за пленников.

Ожидаемый гонец все еще не возвращался. Я опять принялся рисовать окружающую меня природу, как вдруг атаман вынул из кармана альбом.

– Вот, – сказал он, улыбаясь, – раз ты живописец, то нарисуй мой портрет. Листы в твоём альбоме слишком малы – рисуй здесь.

Я с радостью согласился с его просьбой, поскольку такой случай редко выпадает живописцу. Я вспомнил, что Сальватор Роза в молодости добровольно провел некоторое время у разбойников Калабрии, чтобы собрать материал об этой дикой местности и диких нравах, которые его окружали, и с восторгом взялся за карандаш.

Атаман был весьма колоритным типом, которого только можно себе представить и, посадив в удобном положении, я принялся его рисовать.

Вообразите себе сильного, крупного человека, в одежде разбойника, с пистолетами и кинжалом за поясом; могучую шею, небрежно прикрытую плащом, на концах которого висят кольца, отнятые у путешественников; грудь, увешанную медалями и орденами; шляпу, украшенную разными лентами; куртку и брюки яркой расцветки, богато расшитые, и красивые английские ботфорты. Представьте его на возвышении, между скал, облокотившегося на свой карабин, погруженного в думы и мечтающего предпринять нечто дерзкое, а у подножия скалы – деревни и строения, предметы его грабежа, и вдали – обширная Кампания.

Разбойнику понравился мой набросок, и он, кажется, удивлялся самому себе на бумаге. Едва я окончил свою работу, как появился работник, посланный за деньгами для моего выкупа. Около полуночи он добрался до Тускула и принес мне письмо от князя, которого застал уже в постели. Как я и говорил прежде, князь посчитал требование разбойников чрезмерным и предложил для моего выкупа пятьсот скуди. Так как он в данное время не имел при себе наличных денег, то прислал вексель, который надлежало оплатить тому, кто благополучно доставит меня в Рим. Я отдал вексель атаману. Он, взяв его, пожал плечами.

– Какая нам польза в векселях? – сказал он. – Кого мы можем послать в Рим, чтобы нам его оплатили? Нас знают в лицо, у каждой заставы, у каждой церковной двери развешаны наши приметы. Нет, нам нужно золото и серебро; прикажи выплатить деньги и ты свободен.

Атаман опять подал мне лист бумаги, чтобы написать князю. Окончив письмо и перевернув лист, я увидел, что на другой стороне был его портрет, который я сделал. Я хотел вернуть его атаману.

– Постой, – сказал он, – пусть и он будет в Риме. Пусть люди увидят, каков я. Может быть, князь и его приятели будут иметь обо мне такое же хорошее мнение, как и ты, увидев мое лицо?

Он сказал это улыбаясь, но было понятно, что поводом послужило особое чувство гордости. Даже этот осторожный, никому не доверяющий атаман разбойников позабыл в эту минуту об осторожности, горя желанием, чтобы люди любовались им. Он не думал о том, что запросто могут воспользоваться этим изображением для его преследования.

Письмо было сложено и снова отослано с тем же гонцом в Тускулум.

Было уже одиннадцать часов утра, а я еще ничего не ел. Невзирая на все опасности, я почувствовал сильный голод. Я был рад, когда атаман сказал, что пора пообедать. Он сказал, что уже три дня они бродят между скал и в лесах ради этого предприятия в Тускулуме и за это время истощились все их запасы. Он обещал что-нибудь предпринять и достать чего-нибудь поесть. Оставив меня под присмотром своих людей, на которых он очень полагался, он ушел, заверив меня, что не более как через два часа у нас будет отличный обед. Откуда он добудет его, было для меня загадкой, хотя я и знал, что у этих людей везде есть свои доверенные лица.

Жители гор и долин, где орудуют разбойники, – темный и необразованный народ. Города и деревни в Аbruцких горах не имеют связи с остальным миром и походят на пещеры диких зверей. Я не могу надивиться, что такие убогие и затерянные жилища находятся в столь романтической и наиболее посещаемой стране Европы. Здесь бродит разбойник без всякого опасения, и никто из обитателей гор не боится дать ему приют и ночлег. Пастухи, пасущие скот в горах, являются главными поверенными разбойников, которых те отсылают в долины за деньгами на выкуп пленных и за съестными припасами.

Пастухи Аbruцких гор подобны стране, в которой живут. Они носят грубую одежду, сделанную из черной или коричневой овчины, конусовидные шляпы и толстые сандалии из сукна, прикрепляемые к ногам ремнями, – схожие с теми, которые носили древние римляне. Они ходят с длинными посохами, на которые имеют привычку опираться, и имеют при этом весьма живописный вид. Их всегда сопровождает верный друг – пастушья собака. Они – особый вид любопытных людей, тяготящихся своим одиночеством, которые всегда рады прервать свое уединение, вступив в разговор с прохожими. При этом собака слушает беседу с вниманием и столь же умна и любопытна, как и ее хозяин.

Но я далеко отошел от предмета моей истории. Я остался один на один с разбойником, лучшим приятелем атамана. Он был самым молодым и самым сильным во всей шайке, и хотя в чертах его лица было что-то буйное, что является отпечатком его отчаянного и безбожного ремесла, однако в них можно было различить некоторые остатки мужественной красоты. Он был погружен в свои мысли, и на его лице иногда мелькало отражение внутренних переживаний и нетерпения. Он сидел на земле, облокотившись на правую руку, взгляд его, выразивший безмерную грусть, был неподвижно обращен вниз. Я завел с ним разговор, успел подружиться и заметил, что он был воспитан лучше других. Мне хотелось узнать чувства этого странного человека. Я предполагал, что он не чужд угрызений совести и самоосуждения. Легкость, с которой я завоевал доверие атамана, внушила мне мысль попытаться разговорить и его приятеля.

После продолжительной беседы я отважился его спросить, не жалеет ли он о том, что оставил свою семью и принялся за разбой.

– Я сожалею только об одном, – отвечал он, – что это занятие укоротит мою жизнь. – Сказав эти слова, он ударил себя кулаком в грудь, стиснул зубы и добавил: – Здесь, внутри, что-то творится. И, подобно раскаленному железу, жжет мое сердце. Я мог бы, пожалуй, рассказать тебе мою историю, но не теперь – в другой раз.

Он снова задумался, вздохнул и время от времени произносил отрывистые восклицания, похожие больше на проклятия. Увидев, что он находится в таком расположении духа, когда человеку лучше не мешать, я оставил его в покое. Некоторое время спустя он задремал, вероятно после сильного волнения и напряжения душевных сил. Проснувшись, он пытался встать, но усталость, полуденный зной и тишина навевали на него сон. Он долго боролся с Морфеем*, но наконец лег на траву и окончательно заснул.

Мне представился случай бежать. Мой стражник лежал возле меня и был в моих руках. Его сильное тело ослабело от сна, грудь была открыта для удара, карабин выпал из рук и лежал подле него. Кинжал торчал из кармана, в котором он его обычно носил. Два его товарища стояли на краю горы, повернувшись ко мне спиной, и наблюдали за тем, что происходит в долине. Между близлежащим лесом и круглой горой я увидел деревню Рокка Приори. Овладеть кара-

бином спящего разбойника, схватить его кинжал и убить его было минутным делом. Если бы мне удалось поразить его без всякого шума, то я мог бы через лес пробраться в Рокка Приори прежде, чем мое бегство было бы замечено.

Представившаяся мне возможность для побега была хоть и опасна, но весьма заманчива. Если бы мое положение было действительно серьезно, то я не стал бы долго размышлять. Однако моя попытка бегства, будь она удачна, несомненно, навлекла бы смерть на двух моих товарищей, которые крепко спали и которых я не мог разбудить, не потеряв при этом драгоценное время. Работник, которого отправили за деньгами, вероятно, тоже стал бы жертвой мести разбойников. Кроме того, обращение со мной атамана вселило в меня надежду на освобождение.

Эти размышления победили первый сильный порыв, и вскоре я оставил мысли о побеге.

Я вновь принялся за рисование, занимая себя набросками окрестных пейзажей. Время было обеденное и в природе все было спокойно, подобно уснувшему разбойнику, что лежал подле меня. Полуденная тишина, царившая в горах, великолепный ландшафт, раскинувшийся вокруг, с видами отдаленных городов, наполненных жилищами и другими следами жизни, теперь погруженных в глубокое молчание, произвели на меня глубокое впечатление. Долины, покоившиеся между гор, носили отпечаток уединения. В полдень слышны лишь отдаленные звуки, изредка нарушающие всеобщую тишину. Иногда слышен свист одинокого погонщика лошаков, который гонит своих ленивых животных по дороге, идущей через долину; иногда слабый звук пастушеской свирели у подножия гор или звон колокольчика осла, медленно бредущего впереди босоногого, плешивого монаха, доставляющего своему монастырю съестные припасы.

Некоторое время я рисовал сидя между спящими разбойниками и вот наконец увидел приближающегося атамана в сопровождении крестьянина, который вел лошака, нагруженного битком набитыми мешками. Сначала я испугался, что это новая добыча, попавшая разбойникам в руки, но вскоре слова крестьянина меня успокоили и я искренне обрадовался, услышав, что это обещанный обед. Разбойники, тут же сбежавшиеся со всех сторон, казалось, обладали обонянием коршунов. Каждый торопился разгрузить лошака и опустошить мешок.

Первое, что я увидел, был огромных размеров окорок, цветом и толщиной достойный стать предметом кисти Тенирса*. За ним последовал столь же гигантский круглый сыр, мешок жареных каштанов, бочонок с вином и изрядный запас домашнего хлеба. Все было по порядку разложено на траве, и атаман, предложив мне свой нож, пригласил меня пообедать. Мы расселись вокруг припасов, и долгое время не было слышно ничего, кроме работы челюстей и бульканья бочонка с вином, который ходил по рукам. Долгий пост, горный воздух и ходьба возбудили мой аппетит, и никогда еще обед не был для меня столь приятен, как в этот раз.

Время от времени кто-нибудь из шайки посылался для наблюдения за происходящим в долине. Но неприятеля нигде не было видно, и мы могли обедать без помех. Крестьянин получил за съестные припасы почти тройную цену и, довольный выгодной сделкой, весело пошел вниз.

Я почувствовал себя окрепшим после обеда, в котором участвовал, и, невзирая на рану, полученную в доме князя, которая причиняла мне жестокую боль, продолжал наблюдать за разбойниками с любопытством. Эти свирепые люди и их убежища были очень живописны. И их ночлег, и дозоры на форпостах, их безыскусный обед на траве между скал и деревьев – все могло служить темой для художника. К вечеру мое восхищение увеличилось еще больше.

Заходящее солнце, которое уходило за горизонт на краю обширной Кампании, отбрасывало последние лучи на склоны Абруцких гор, поросших лесом. Несколько вершин, покрытых вечными снегами, блестели в отдалении. Их блеск сильно контрастировал с другими, которые, подернувшись тенью, предстали в темно-фиолетовых и пурпурных тонах. С сумерками все приняло угрюмый вид. Воцарившееся повсюду уединение – порождение гор, – скалы и

пропасти, огромные дубы, пробочные и каштановые деревья и группа разбойников напомнили мне суровые полотна Сальватора Розы.

Чтобы скоротать время, атаман решил показать мне свои драгоценности и безделушки, полагая, что я знаток таких вещей и сумею точно их оценить. Его примеру последовали и другие, и по прошествии нескольких минут вся трава блестела от ювелирных украшений и драгоценных камней, которые привели бы в восторг любого менялу или даму-модницу.

Среди украшений я заметил много драгоценных камней, запонок, галстучных булавок и перстней, имеющих приличную стоимость, которые некогда принадлежали какому-то важному путешественнику. Я узнал, что разбойники продают свою добычу в ближайших пограничных городах, но так как города эти обычно мало населены и путешественников приезжает туда немного, то на такие дорогие украшения редко находились покупатели. Я уверил их, что за столь роскошные вещи они могут выручить в Риме весьма значительные суммы у богатых чужестранцев, которыми тогда был наполнен этот обширный город. Впечатление, которое произвели мои слова в жадных душах разбойников, было очевидным. Один из шайки, молодой, недавно появившийся у них разбойник, отпросился у атамана, переодевшись идти в Рим, чтобы сбыть там драгоценности. При этом он поклялся особой разбойничьей клятвой – честью разбойника – через два дня вернуться туда, куда прикажет атаман. Атаман согласился, после чего произошло следующее: разбойники столпились вокруг этого юноши, и каждый отдавал те драгоценности, которые хотел продать, и говорил, какую сумму он желает получить. Долго продолжалась у них торговля и мена, и я лично видел, как атаман, ограбивший меня, отдал мои часы, с золотой цепочкой и аметистовой печатью, молодому приятелю за 60 скуди.

Это породило во мне надежду, что когда я рано или поздно вернусь в Рим, то, может быть, верну обратно свои вещи.

Было уже совсем темно, а гонец из Тускулы все еще не возвращался. Мысль, что я, вероятно, еще проведу несколько дней в обществе разбойников, несколько опечалила меня. Атаман приказал своей шайке следовать за ним, чтобы выставить пикеты. Он добавил, что если гонец не вернется в сумерках, то следует переменить ночную стоянку.

Я опять остался наедине с молодым разбойником, который караулил меня днем. В вечернем сумраке еще были различимы его загорелое лицо и сверкающие глаза, а на губах время от времени появлялась презрительная, саркастическая улыбка.

Мне хотелось понять его смятенную душу, и я напомнил ему об обещании, данном мне, рассказать свою историю.

Я знал, что такие беспокойные люди иногда охотно пользуются случаем облегчить свою душу и рассказать незнакомому человеку о своих переживаниях и сердечных тревогах. Как только я произнес свою просьбу, он уселся подле меня и рассказал мне свою историю, начинаясь такими словами.

Глава IV. История молодого разбойника

Я родился в городке Фросиноне, который лежит у подошвы Аbruцких гор. Мой отец сколотил небольшое состояние, занимаясь торговлей, и дал мне, так как я был определен священнослужителем, некоторое образование. Но я слишком часто посещал веселые компании, терпеть не мог монахов и был изрядным повесой.

Я был легкомыслен, иногда вспыльчив, но, в общем, добрый малый. Жил я хорошо до тех пор, пока не влюбился.

В нашем городе жил землемер князя, у которого была дочь, девушка шестнадцати лет. Родители любили ее без памяти и никогда не выпускали одну. Я видел свою Розетту редко, но влюбился в нее до сумасбродства. Она была белолица и свежа и очень отличалась от загоревших на солнце девушек, к которым я привык.

Поскольку отец давал мне всегда достаточное количество денег, то я был хорошо одет и старался при каждом удобном случае понравиться моей красавице. Обычно я видел ее в церкви; хорошо играя на гитаре, иногда пел под окнами своей милой и старался застать ее в винограднике отца, куда она нередко ходила. Я стал замечать, что нравлюсь ей, но она была молода и робка, а к тому же отец не спускал с нее глаз. Мое внимание к ней и откровенное волокитство беспокоили его, поскольку у него было обо мне плохое мнение и он желал лучшего жениха для своей дочери. Вскоре меня начали раздражать трудности, которые стали на моем пути, поскольку я привык с легкостью добиваться успеха у женщин, которые считали меня самым галантным кавалером во всем городе.

Наконец, отец привез ей из ближайшего города богатого жениха. Назначили день свадьбы, и началась подготовка к венчанию. Когда я увидел ее у окна и, как мне показалось, она печально на меня смотрела, я вознамерился расстроить эту свадьбу во что бы то ни стало. Я столкнулся с женихом на рынке и не смог сдержать бешенства. Мы принялись ссориться, я выхватил кинжал и убил его. Потом укрылся в ближайшей церкви и за небольшую сумму получил отпущение грехов, но не отваживался выйти из моего убежища.

В это время наш атаман собирал свою шайку. Он знал меня с малолетства. Услышав о моем положении, он тайно пришел ко мне, посулил мне множество заманчивых вещей, и я согласился присоединиться к его компании. Я и сам давно собирался избрать этот образ жизни, поскольку лично знал многих из этих храбрецов, которые прокучивали свои деньги вместе с нами, молодыми людьми из города.

Так я оставил свое убежище. Однажды поздно вечером пришел в назначенное для свидания место, произнес полагающуюся клятву и стал членом этой шайки.

Мы оставались некоторое время в горах, наша дикая, романтическая жизнь вполне соответствовала моим представлениям о ней и занимала меня безраздельно. Но вскоре мои мысли вновь все больше и больше стала занимать Розетта. Уединение, в котором я часто пребывал, давало мне возможность любоваться ее портретом. Когда я оставался караульным в горах, то на меня находила нервная дрожь, вызванная воспоминаниями и переживаниями.

Наконец мы переменили место стоянки и собирались совершить набег на дорогу между Террачиной и Неаполем. Дождаясь добычи, мы два дня провели в бездействии в лесистых горах по ту сторону Фросиноне. Я не могу описать вам моих чувств, когда я взглянул в ту сторону и увидел жилище Розетты. Я решил отправиться к ней на свидание. Но с какой целью? Я не мог рассчитывать, что она оставит родительский дом и будет сопутствовать мне в горах. Она была хорошо воспитана, и я, когда смотрел на женщин своих товарищей по шайке, то не мог перенести мысли, что она уподобится им. Вернуться к прежней жизни я тоже не мог, ибо за мою голову была назначена награда. Но все же я хотел ее увидеть, – любовь и дерзость побуждали меня предпринять задуманное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.